

Р. Дамиров

В. Гуров

2

БОЕЦ

Лихие 90-е

Боец

Рафаэль Дамиров

Боец 2: Лихие 90-е

«Автор»

«Автор»

2024

Дамиров Р.

Боец 2: Лихие 90-е / Р. Дамиров — «Автор», «Автор»,
2024 — (Боец)

Продолжение приключений попаданца по прозвищу Боец в лихие девяностые. Братки, разборки и подпольные бои. Чтобы выжить и подняться наверх герой примыкает к одной из криминальных группировок...

© Дамиров Р., 2024

© Автор, 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Валерий Гуров, Рафаэль Дамиров

Боец 2: Лихие 90-е

Глава 1

Мы стремительно ушли в отрыв, и теперь, даже если бы машина у гаишников чудесным образом завелась, нас уже было не догнать. А на парковку «Спартанца» не сунется ни один мент, по крайней мере, тот, которому дорога собственная задница.

Машина подъехала к «Спартанцу», и Рябой трижды посигналил короткими гудками. На парковку выбежал тот самый старичок со стойки – шлагбаум открывать. Под его настороженным взглядом мы заехали внутрь, выбирая парковочное место поближе к клубу. Неудивительно, что старик при виде нашей «девятки» так напрягся. Боковое зеркало расхреначено, заднего стекла нет, а еще в кузове несколько отверстий от пуль дружелюбно скалятся. Я только сейчас подумал о том, что пулю вполне могли словить наши пленные, Солома и Леван, дай бог, чтобы пронесло, а то не хватало катать в багажнике жмуриков.

– Едрить-колотить, – возмутился дед, руками всплеснув. – Это вы где под обстрел попали, голубчики?

– Менты, – обронил Муха, вылезая из машины.

– Охренеть...

Я открыл багажник, где ютились наши молодые люди. С Леваном и Соломой был полный порядок. Если парней и зацепило, то разве что осколками заднего стекла, тогда как пули прошли мимо. Везунчики ни дать, ни взять. Оба выпученными глазами смотрели на меня, бледные, как простыня. Ну и оба в сознании уже.

– На выход!

Я схватил за шиворот сначала Левана, а затем и Солому, поднимая гопников на ноги. Сейчас они уже не были такими дерзкими, какими я их привык видеть. Не-а, как послушные овечки выполняли распоряжения и кивали, попукивая от осознания грядущих перспектив.

– Кто такие? – спросил дед.

– Люди Яши Кривого, – коротко ответил я.

Дед промолчал, но я обратил внимание, как изменилось его лицо. Наручников у меня не было, связать руки гопоте было тоже нечем, поэтому я заставил их убрать руки за голову и повел в клуб, к Зауру, заодно прихватив с собой мешок с оружием. Рябой и Муха остались на парковке – прибираться в «девятке»: осколки счистить с задних сидений.

Я пошел сразу в кабинет Заура, не дожидаясь особого приглашения, хотя дедок, упавший мне на след, что-то мямлил о необходимости «доложить». Вот и доложу заодно, главное, что сам Заур на месте. Я все же трижды постучал в дверь кабинета, прежде чем резко открыть.

– Разрешите войти?

Не дожидаясь ответа, протолкнул Солому и Левана в кабинет. Те от моей прыти равновесие потеряли, завалились на колени.

– Кто такие? – ничуть не удивился Заур нашему появлению, он продолжал пить кофе и курить сигару.

– Люди Яши Кривого, – я положил мешок с оружием на стол Зауру, тот заглянул в него, бровь приподнял.

– Ни хрена, Боец, – удивился Заур. – Так это вокзальные воду мутят, во шелупонь. Я уже чего только не думал. А эта парочка кто будут?

– Они сами расскажут, – улыбнулся я.

От этих слов Соломе и Ливану поплохело сразу. Даже не столько из-за слов, сколько из-за того, что Заур поднялся со своего места. Мужик, то есть, мой непосредственный начальник, был здоровенный, кулачищи размером с головы гопников.

– Че, пацаны, вы под Яшкой работаете? – спросил он.

Те отрывисто закивали. Толку-то молчать.

– Ладно, побазарим, как Кривой до такой жизни докатился. Забирай наших дорогих гостей.

Сзади в дверях стоял дед, который до последнего пытался предупредить Заура о визите.

– Свин, Ремень! – окликнул кого-то дед.

Вскоре в кабинете появились два пехотинца, которые, завидев стоявших на коленях Солому и Левана, жутко так захихикали.

– Парни, аккуратненько, но, чтобы, когда я пришел, наши гости проявили желание вести диалог, – пояснил Заур.

Ремень и Свин, потирая руки, забрали гопников с собой. Я понимал, что теперь этих двоих товарищей ждет не самый приятный разговор, даже если кладбищенские и вправду будут действовать аккуратно, как просил Заур. Мы остались в кабинете вдвоем. Заур еще некоторое время постоял у окна. Всматриваясь в горизонт и смоля сигару, смотрел он на видневшийся отсюда силуэт главного вокзала. А потом вздохнул, вернулся за свой стол.

– Неплохо, Боец, – хмыкнул он. – Я думал, тебе понадобится больше времени.

– А я не люблю в долгий ящик дела откладывать, – коротко пожал плечами я.

Потом Заур попросил меня вкратце описать, как проходил выезд. Я пересказал со всеми подробностями, которые счел нужным указать. Рассказал и про конфликт с гаишниками. Про что умолчал – про встречу с батей Светки и с самой девчонкой.

– Ясно, номера с тачки снимите, а наши ее в гаражи отгонят, на ремонт, – Заур заглянул в ящик своего стола, достал оттуда стопку пятисотрублевых, положил на столешницу и прокомментировал: – Твои.

Я подошел к столу, взял бабки, ничуть не стесняясь, пересчитал на глазах слегка удивившегося Заура. В стопке оказалось двадцать кусков.

– Здесь меньше, чем договаривались, – сухо констатировал я, помня, что за выезд было обещано десять тысяч, а у нас на троих выходило чуть меньше, чем по семь.

– Между Мухой и Рябым десятку располовинь, – пояснил Заур. – Им хватит.

– Энтузиазм у парней пропадет, Заур, – настоял я, положив деньги обратно на столешницу, чтобы мой начальник пачку еще купюрами нарастил.

Заур строго посмотрел на меня, а потом, улыбнувшись краешками губ, сунул руку в ящик и достал оттуда еще стопочку. Деньги на столешницу положил.

– Наглость – второе счастье, ну ладно, заслужили. Я-то думал, вы пару дней, как минимум, провозитесь.

Он поднялся из-за стола, потушил сигару в пепельнице и, подойдя ко мне, протянул руку.

– Поздравляю, первый выезд, Боец, считай, что боевое крещение прошел. Отдыхай, кути – хочешь, с бабами можешь порезвиться, но с алкоголем только не перебарщивай.

И с этими словами собрался уходить, судя по всему, на беседу с гостями, которых Ремень и Свин увели. Но я окликнул его, кое-какой вопрос, который меня волновал, остался нерешенным.

– Заур, помощь группировки нужна.

– Ну-ка? – остановился тот.

– Девчонке одной надо помочь, – начал я.

– Порядочная?

И я рассказал Зауру про Лидку. Начальник внимательно выслушал, покивал, было видно, что он задумался.

– На недельку бы спрятать ее, пока страсти улягутся, – закончил я. – Поможешь?
– Аптекарьша, говоришь? – протянул он.
– Да, аптекраша, фармацевт, – я ткнул пальцем в швы на брови, которые, наконец, начали заживать. – Она накладывала, руки у девчонки золотые.

Заур покивал.

– Уколы тоже может ставить? – спросил он.

– Разумеется.

– Понятно. Знаешь, Боец, фармацевт, который уколы может ставить, нам нужен, – резюмировал Заур. – Пацанам, которые поедут на подпольные бои, особый уход будет нужен. Пусть поколет им витаминки, а с жильем – я ее в «Туристе» поселю.

Пожали друг другу руки, меня такой вариант больше, чем устраивал. Пусть Лидка поживет в гостинице, где кладбищенские трутся. Там она будет в безопасности. Ну а то, что ее навыв пригодиться группировке мог – так это вдвойне здорово. Вопросов ни у кого не возникнет, да и желания приставать, если девчонка будет на кладбищенских работать.

– Заур, пацаны готовы говорить! – появился в дверях дед.

Пока Заур не ушел, я решил еще один вопрос ему задать, раз уж он сам упомянул бои. Грех было не продолжить.

– Как мне на подпольные бои попасть? – спросил я.

– Ты? – удивился начальник. – Оно тебе надо? Или пластинка заела?

– Надо, – подтвердил я.

– И на хрена? Мало тебя поправили? Ты ж, если мне память не изменяет, по части спорта неопытный.

– Нахватаюсь, я быстро впитываю, дело молодое.

– Что скажешь? – Заур перевел взгляд на деда в дверях.

– Пусть приходит на тренировку, поглядим, – после внушительной паузы в несколько секунд ответил старик.

– Только это, Боец. Выезды никто не отменял, врубаешься? – строго посмотрел на меня Заур.

– Разберусь.

* * *

Я рассчитался с пацанами, выдав каждому по десять кусков. Те просияли, явно на такой куш не рассчитывали. Видимо, общий бюджет подобного выезда не превышал двадцати тысяч рублей. Вот и досталось бы им, лучшем случае, по пять на рыло. Заняты же Муха и Рябой были тем, что скручивали с «девятки» номера. Мы попрощались до завтра, и я пошел на базар.

Там прикупился по списку, который мне Лида с утра вручила. И с тяжеленными сумками вернулся в квартиру. Открыл дверь, а аптекарша при виде меня не смогла сдержать эмоций и бросилась мне на шею. Конечно, тяжело было девчонке, это я время занимательно проводил, а она с самого утра места себе не находила, нервничала, что с ней будет дальше и как. Я отволол сумки на кухню и коротко обрисовал Лиде грядущие перспективы.

– Уколы ставить? А какие? – смутилась она.

– Так там и разберешься, – я пожал плечами.

Лида как-то погрустнела, осунулась. Понятно, девчонка не затем все эти медицинские институты заканчивала, чтобы химию бандитам колоть... но по-другому в 1993 году было, фактически. невозможно. Кровь из носу, ей следовало как минимум на неделю затаиться и не высываться, ну а там я, скорее всего, ее в другой город перевезу, в той же аптеке устрою. Видно будет.

Впрочем, по следующему ее вопросу я понял, что грустит она отнюдь не из-за смены деятельности.

– Я могу у тебя остаться, Сереж? – шепотом спросила она, продолжая разбирать сумки.

Мне хотелось ответить – да, но увы – это было невозможно. Ситуация продолжала обостряться, и впереди меня ожидали горячие деньки. Хрупкой девчонки, когда станет по-настоящему жарко, не должно быть рядом. Это не обсуждается.

* * *

Вышли во двор, я оставил Лиду в беседке у подъезда, где в дневные часы не оказалось народа. Сам пошел ловить бомбилу, чтобы ехать в «Турист». После моего отказа девчонка явно расстроилась, замолчала. Понять ее можно, я хоть и заботился о безопасности аптекарши, но, по факту, оставлял ее одну. Как будто в свободное плавание отпускал, а туда Лида явно не хотела.

В такси мы ехали молча, девчонка от обиды едва ли не впечаталась в дверцу, стараясь как можно заметнее дистанцироваться от меня. Бомбила за баранкой, завидев наши не самые радужные лица, тоже всю дорогу молчал. Я сунул ему смятую купюру, уже из тех, которые мне достались от Заура всего пару часов назад. Вышел первый из тачки, чтобы Лиде дверь открыть, но та с каменным лицом отказалась подавать мне руку. Конечно, на обиженных воду возят, но ей сегодня простительно.

– Куда идти? – буркнула она в губу.

– За мной, – улыбнулся я.

Ответить что-то более конкретное я не мог, потому что сам толком не понимал, что нас ждет с заселением. Впрочем, там разобраться недолго, зайти внутрь да на стойке поинтересоваться, где селятся наши бойцы, но ведь все равно это именно моя забота. Сказано – сделано. Через минуту мы уже стояли у стойки, где заправляла женщина лет тридцати, одетая в строгую форму – юбка, блуза и даже бейдж с именем «Виолетта». Гостиница была одной из лучших в городе и сумела сохранить сервис на должном уровне.

– Уважаемая, к вам по заселению? – подошел я к Виолетте.

Та подняла глаза от журнала, в котором делала пометки. Посмотрела на меня, потом на Лиду и, похоже, подумала, что номер нам нужен для того самого:

– Мест нет, – коротко отрезала она.

– Может, поищите, очень нужно, – я сложил на стойку руки, демонстрируя кольцо кладбищенских.

Виолетта взглянула на кольцо, потом снова на меня, на этот раз чуточку добродушнее. Кольцо как пропуск сработало исправно.

– Так бы сразу и сказали, что у вас бронь, – улыбнулась она.

– Вот и говорю.

– Вдвоем селитесь? На сколько? Что-то нужно в номер? – осыпала меня вопросами Виолета.

Судя по ее вопросам и брезгливости во взгляде, которая возникала у женщины, когда она смотрела на Лиду, Виолетта решила, что я приволок в гостиницу ночную бабочку. Аптекарьша действительно выглядела подавленной и, прямо как проститутка, смотрела в пол, ожидая «своего часа». Я поспешил впечатление Виолетты освежить.

– Селится она, – я кивнул на Лиду. – Это новая сотрудница, подчиняется лично Зауру, зовут Валя. Полагаю, что нам понадобится номер на недельку-другую.

У Лиды от такого представления глаза на лоб полезли, мы-то с ней о смене имени не договаривались. Но нечего ее настоящее имя светить, поэтому пусть пока Валюшкой походит.

Мало ли, после работы вот эту Виолетту встретят и поинтересуются с пристрастием, а ни мне, ни тем более Лиде такого не надо.

– Паспорт дадите? – попросила женщина.

– Без паспорта, говорю же, сотрудница, – я бровь приподнял. – И очень вас попрошу, присмотрите за Вале́й, она девушка стеснительная, еще не освоилась.

Виолетта промолчала, сделала пометку в своем журнале, вытащила из ячейки на стене сзади ключ от номера и положила на стойку.

– Пожалуйста.

– Сколько я вам должен за беспокойство?

Она зыркнула на меня как на дурачка.

– Оплачено все!

Я, все же понимая, что халявный сыр только в мышеловке бывает, решил погреть Виолетту со своих. Вытащил купюру, женщине сунул. Та охотно деньги приняла.

– У нас ужин скоро, я тогда позвоню Валентине в номер и поинтересуюсь, что ей заказать, – тотчас принялась отрабатывать подарок Виолета.

Напоследок я взял у нее номер телефона гостиницы, который она написала на клочке бумаги и протянула мне.

– Вот здесь, если вам надо мне на стойку позвонить, а 208 – это цифры номера Валентины, как добавочный.

Я еще раз поблагодарил женщину за участие, сунул листок в карман, намереваясь попозже звякнуть Лиде и поинтересоваться, как она там устроится. Развернулся к аптекарше – и вовремя. Как раз в этот момент двери лифта открылись, и в коридор первого этажа вышли трое. То, что это ребята из криминала – долго гадать не пришлось. Типичные такие бандюки в золотых цепях с карандаш толщиной, в черных очках, коротко стриженные и с массивными челюстями. Смесь бульдога с носорогом, блин. Один из них жвачку жевал, пузыри надувал. Меня они не заметили, больно уж я был неприметным в своем джинсовом прикиде. А вот на Лиду внимание обратили сразу.

– Слышь, а телочка хороша, а?

– Сиськи маловаты, не? А вот жопа нормальная.

– Самый раз сиськи, так, чтобы в ладошку помещалось!

Выдав заряд шуточек за триста, бандюки заржали, как кони. И к Лиде напрямую пошли, облизываясь. Аптекарша, смекнув, что эти трое громил к ней движутся, вспомнила, что со мной можно и поговорить, и едва слышно проблеяла:

– Сер-р-реж....

Ага, Сереж, блин. Я-то думал, что у меня с двух до трех перерыв в потоке неприятностей, но вот ни фиги. Набрав полную грудь воздуха и гулко выдохнув, я пошел к Лиде.

– Пацаны, девушка со мной, какие вопросы? – я вырос между аптекаршей и подошедшими бандюками, улыбнувшись во весь рот.

У тех, напротив, улыбка разом с лица сошла. Они посерьезнели, насупились сразу.

– Ты кто такой, Вася? Вали, а? – сказал бульдого-носорог, который посерединке этой ком-пашки стоял.

По шлейфу спиртового запаха я понял, что парни успели принять на грудь, то есть, начали отдыхать чуть раньше, чем вечер наступил. Легко догадаться, что их выезд закончился, и парни решили оторваться – работа-то у них нервная, расслабляются как могут. Еще что я заметил, так это кольца кладбищенских – каждый из них носил точно такое, как у меня, кольцо на среднем пальце. Свои вроде...

– Говорю, девчонка со мной, какие вопросы? – повторил я, пока Лида пряталась за моей спиной.

«Средний», смекнув, что я непонятливый и сваливать никуда не собираюсь, очки снял, меня взглядом решил смерить. А второй, что по правую руку от него стоял, вдруг спохватился и пнул своего кента в плечо, что-то шепнул на ухо. Средний внимательно выслушал, следом перевел взгляд на мою руку. Его глаза чуть-чуть округлились, бровь приподнялась.

– Ты из кладбищенских, что ль? – спросил он, меня тональность вопроса.

– Боец меня зовут.

– У-у, – протянул бандюк, явно чему-то изумляясь. – Слышь, пацаны, это ж он Муху у ларька прессанул на днях, его сам Демид Игоревич заметил.

– Он самый, сто пудово, – подтвердил другой бандит, с любопытством на меня пялясь. – Теперь Муха на него, вроде как, пашет, прикиньте, я че-то такое краем уха в «Спартанце» зацепил.

– Че-то шуплый какой-то, – хмыкнул третий.

Хрен его знает, хорошо ли это или плохо, что меня сразу узнали. И не будет ли ко мне претензий со стороны других кладбищенских за такой быстрый взлет по линии «партии», тем более, вот сейчас, по синей лавочке. Поэтому я терпеливо ждал, пока бандюки закончат обсуждение. По крайней мере, про Лиду за моей спиной парни пока что забыли.

– Кремень, – протянул руку средний и пояснил: – Я за Октябрьский район отвечаю с пацанами, уличная торговля. Это Дато и Араб.

Я руку Кремню пожал, следом с Дато и Арабом поздоровался. Думал, на этом базар закончится, и вопрос с Лидкой с повестки будет снят, но вот ни фиги. Парни начали за спину мне заглядывать, на аптекаршу пялиться и едва не облизываться. Лида действительно была хороша, тут не поспоришь.

– А ты у кого бабу заказал? – вдруг спросил Кремень. – Мы уже свою полчаса ждем, пока подъедет.

Вон оно что, почему Виолетта ждала проститутку и приняла Лиду за ночную бабочку. Оказывается, кладбищенские во главе с Кремнем проститутку в гостиницу заказали. Аптекарша же после того, как ее в открытую назвали проституткой, аж рот от изумления открыла, глазами захопала. И как раз в этот момент в гостиницу ввалились трое настоящих ночных бабочек – в коротких юбочках, топиках, все жвачки жуют и, судя по всему, тоже поддатые.

– Это наши мальчики! – заприметила одна из проституток Кремня и его ребят.

Пацаны тут же переключились на девиц. Но прежде, чем Кремень к гостям ушел, я его аккуратно под локоток взял и в сторонку отвел, кивком Лиду к себе подзывая.

– Брат, не буду тебя задерживать, но пояснить кое-что надо, – я на аптекаршу указал. – Девчонку Валя зовут, она не проститутка, она на Заура работает, не тем местом, которым ты подумал. Бухгалтер его, сечешь?

Кремень выслушал внимательно, косясь то и дело на Лиду, а как я про Заура сказал, так вовсе напрягся и как будто протрезвел.

– Блин, нехорошо получилось, Валентина, спутал... – он плечами растеряно пожал, пытаясь понять, как теперь свой косяк загладить. – Прости, что так вышло, не хотел.

Впрочем, я за косяк спрашивать его не стал – извинений было достаточно, да и Лида их приняла. Ну а я дальше по аптекарше пояснил.

– Ей надо здесь недельку-другую перекантоваться, чтобы без проблем. Присмотришь одни глазом? Должен буду.

– Вообще не вопрос, – Кремень снова мне руку сунул и назвал номер, в котором обитал. – В любое время суток, если вопросы какие возникнут – пусть стучится, помогу чем смогу.

Я его поблагодарил за отзывчивость, по плечу хлопнул и дальше задерживать не стал, а то ведь одна из ночных бабочек скучала. Лиду решил до номера проводить, чтобы по пути ей не встретилось еще каких охочих до досуга товарищей. В номер заходить не стал, хотя аптекарша была явно не прочь, чтобы я с ней на подольше остался.

– Если что, телефон «Спартанца» ты знаешь, я ближайшие два-три часа буду там. Но думаю, надобности такой не возникнет. Ну и Кремню обращаться не стесняйся, – сказал я ей на прощание.

Мы обнялись, девчонка крепко прижалась ко мне, вздохнула. Ничего, сейчас притрется, работать начнет, первые нормальные бабки появятся – и заживет хоть. Потом еще мне спасибо скажет... наверное. Пока же у нее есть время выспаться и подготовиться к завтрашнему дню. Я же планировал идти в «Спартанец» на вечернюю тренировку. Да, Заур думал, что я дурью маюсь, но я так не считал – следовало привести тело в порядок. А там, чем черт не шутит, побиться в этих самых подпольных боях. Главное – функционалку подтянуть да старые приемчики вспомнить.

Не желая опаздывать на первую тренировку, я вышел из «Туриста» и поймал тачку, а через десять минут уже заходил в зал.

Глава 2

– Готов, говоришь, Боец? – тренер посмотрел на меня строго, смерил взглядом, хотел кондиции мои понять.

Дедок крепкий, не только на проходной «Спартанца» сидел, но и, как оказалось, был основным тренером по подготовке братвы. Звали его Владимир Степанович. Присутствующим питомцам позволял себя называть по-простому, Степанычем.

По скептическому взгляду тренера было понятно, да я и сам знал, что кондиции у меня около нулевые, средней степени паршивости. Прежний обладатель тела если и занимался чем-то, то физкультурой, что называется, для себя, не больше. Но это я понял не вчера, так что прекрасно осознавал, что первая тренировка в «Спартанце» будет крайне тяжелая. Впрочем, я не на пляж пришел загорать, а впахивать. Поэтому, как и все пацаны, я был занят растяжкой перед началом основной части тренировки – принялся за полушпагат, боковой, связки тянул. Качественная растяжка – значит минимум травм и неожиданностей, самое то, чтобы тело к нагрузкам подготовить. От тренировки, как человек бывалый, я не ожидал чего-то сверхъестественного, но любопытно всё же было проверить возможности своего нынешнего тела под более или менее серьезными нагрузками. Вроде организм у меня молодой, но совершенно нетренированный, а это – две большие разницы, как говорится.

На вопрос пожилого тренера о готовности я только молча кивнул – готов, не готов, а начинать надо. Оно ведь как – в ту же прорубь лучше сразу нырнуть, чем заходить полчаса мелкими шажками.

– Ладно, только учти – пацаны у меня опытные, не в первый раз в зале и по моим нагрузкам в курсе, – продолжил дедок. – У нас сейчас подготовка намечается к боям, сегодня будет мясо. Поблажек тебе никаких не будет.

Сказав это, он паузу выдержал, как будто давая мне шанс одуматься и соскочить. Грамотный мужик, блин, видит же, что я по кондициям жидковат и, скорее всего, поплыву.

– Я и не прошу никаких поблажек, – заверил я, продолжая растягиваться. – Если мясо будет, то шашлык сделаем. Шашлыки я люблю.

– Шашлычник, блин, хренов, – хмыкнул тренер, скрещивая руки на груди. – Может, поначалу с общей группой походишь, поднатаскаю, а там и посмотрим? А то ведь из тебя, дурака, отбивную сделают, а мне что потом Зауру говорить?

Как раз в этот момент я лег на пол, расставил руки и ноги в позе морской звезды и приступил к эффективному упражнению «кресты». Руки вытянуты перпендикулярно телу, смотрят в разные стороны, ладонями вверх, ноги на ширине плеч. Заняв позицию, я старался коснуться ладони противоположной ногой, поворачивая голову то в одну сторону, то в другую по направлению замаха. Сделал по десятку повторений, перевернулся на живот и проделал все то же самое, но уже в другой позиции.

Я думал, что тренер давно ушел, но он, как оказалось, все это время внимательно за мной наблюдал.

– А ты откуда «кресты» знаешь? Вроде не занимался нигде? – поинтересовался он.

– Видел, в зал доводилось заходить, – ответил я.

Тренер удивленно хмыкнул, еще с минуту понаблюдал за моими упражнениями и резюмировал.

– Бежишь последним, – он озорно захлопал в ладоши, мобилизуя собравшихся. – Так! Построились, сорванцы! По кругу бегом, марш!

Народ, а нас в зале было с дюжину человек, мигом выстроился и побежал наматывать круги вокруг ринга. Ринг здесь был самый обыкновенный, боксерский. Хотя вдоль стен лежали маты, на случай если в партере понадобится повозиться. В целом зал оказался довольно уют-

ный, с большими окнами, а значит, прекрасным естественным освещением, с ровным деревянным полом, пахнущим еще свежей краской, и с неплохой вентиляцией, никакой духоты и стойкого запаха «портянок». У стен, где маты лежали, были развешаны снаряды, а в отдельном помещении была устроена качалка, дабы с весами и железяками работать можно было. В общем, все для людей. Точнее, бандитов.

Наш ведущий взял размеренный темп бега. Интересно, что ведущим был мой давний знакомый – Танк, с которым мы не так давно кость в кость сходились и хорошо так друг друга потрепали. Теперь Танк восстановился, пару раз недобро зыркнул на меня, когда я только в зал зашел. Я поначалу думал, что он будет пытаться отыграться, но нет. Когда пацаны перед разминкой друг другу руки жали, он ко мне тоже подошел, ладонь пожал – все молча. Ну и хорошо, мне разборки тут не нужны. Все это надо за дверьми зала оставлять.

Побежали трусцой, самое то, чтобы на первых порах разогреться как следует. Мне нравилось, что я бегу последним, в спину мне никто не дышит, а я могу контролировать свой темп. Тело охотно откликнулось на первую нагрузку, и минут пять, пока мы наматывали вокруг ринга круги, жирок растрясая, я чувствовал себя абсолютно комфортно. Никакой одышки, дыхание ровное, дискомфорта нет. С другой стороны, у моего предшественника не было вредных привычек, а сам он не так давно из армии вернулся, где, вполне возможно, его гоняли в хвост и гриву по физике. Ну дай бог, если так.

Тренер, у которого на шее висел свисток, наконец, дунул в него, привлекая к себе внимание.

– Круг с подъемом коленей, следом гусиным шагом чешем! – во всю луженую глотку распорядился он, переходя к интенсивной разминке.

Танк кивнул, побежал, высоко поднимая колени. Делал пацан все верно – ровно держал туловище, смотрел прямо перед собой и, судя по всему, был отлично обучен. Я тоже тотчас включился в упражнение, вдыхая воздух через нос и выпуская ртом, напиваясь кислородом без всяких головокружений. На следующем круге мы перешли на гусиный шаг – спина прямо, колени согнуты. Вот тут уже тело среагировало – с непривычки мышцы начали печь и пощипывать, но критичного ровным счетом ничего, обычная реакция на нагрузку. Однако, едва мы закончили круг, тренер снова засвистел.

– В обратную сторону чешем, молодежь! Еще круг, разворачиваемся и по-ошел!

Попотеть пришлось, причем не только мне. Гусиный шаг назад требовал отличной координации, которой у меня-то и не было пока. Вот так и вышло, что примерно на середине второго круга, на повороте, меня занесло спиной в ринг, и, больно стукнувшись копчиком, я завалился на пол. Ни хрена смешного, но пацаны заржали хором, пока я пытался подняться из унизительного положения жучка кверху лапками. Тренер, как и обещал, никаких поблажек не давал, останавливать остальных не стал, а на мое падение не обратил внимания. Да я ведь и не просил поблажек, так? Стиснул зубы, присел, выровнял спину и бросился догонять. Подъем коленей и теперь вот гусиный шаг разогрели мышцы ног и улучшили кровообращение. Тело слушалось уже куда лучше.

Когда Танк закончил круг, тренер отдал команду делать приседания, чтобы следом начать прогревать мышцы спины. Я, кое-как добредший спиной и гусиным шагом до группы, подключился на счет три, когда пацаны уже на четвертый повтор заходили.

– Четыре! – тренер считал. – Сгибаемся, чего ты как в жопу раненный, Сыч, тебе говорю! Вот так!

По-хорошему, надо б догнать группу и выйти из роли отстающего, которую я по определению не признавал. Ну и, чтобы не плестись в хвосте, я начал приседать с двойной интенсивностью, догнав остальных на счете восемь. Вообще это всё разминка, которую делаешь на автомате и на опыте, даже не заморачиваясь упражнениями. Нагрузки-то толком нет. Но на приседаниях я хорошо почувствовал, как начало сильнее печь мышцы, да и дышалочка как-

то зашалила, зажила сама по себе. Поэтому на двадцатом повторе я уже покрылся испариной и стискивал зубы. Дыхание бы хоть перевести, но тренер явно думал иначе.

– Прыжки с разводом ног!

Ясно, бедра подключаем. Не вопрос, хотя прыжки дались тяжеловатенько, и на десятый повтор, мне уже было довольно непросто, но халтурить я не стал. Прилежно выполнил все положенные повторения, скрипя зубами от натуги, чтобы из заданного темпа не выпасть. Ничего, тяжело в ученье – легко в бою.

– Упор лежа на кулаках!

Вот что я любил и практиковал – отжимания, которые отлично разогревали целую группу мышц. Встал в упор лежа и пошел отжиматься. А это что такое? На двадцать четвертом повторении руки начали дрожать, поэтому оставшиеся шесть отжиманий я доделал, выпирая пятую точку вверх...

От тех, кто еще мог смотреть по сторонам, послышались короткие смешки.

– Боец, не халтурим, чего ты жопу топорщишь! – прикрикнул Степаныч.

Вообще отжимания от пола на кулаках – такая штука, которая укрепляет кулак, предплечья и цементирует связки, чтобы потом в бою реальном ли, или в соревновательном, рука просто-напросто не поломалась о челюсть соперника. Так что без них при нашей жизни никак, хотя все тело вопило, что тренер это специально придумал, дабы поиздеваться.

Отжимания подошли к концу. Я сам, по прошлой жизни, сюда поставил бы скручивания и ими зафиналил разминку, да и тренировку можно было заканчивать. Но мне повезло... почти.

– На мостик становимся и делаем отжимания, десять повторов.

Пацаны улеглись, в мостик встали. Я губы пересохшие облизал, понимая, что будет непросто не только отжиматься, но и в принципе занять позицию. Выбора, впрочем, не имелось. Я кое-как поднялся на мостик, чувствуя, как предательски хрустят суставы – а ведь разминка была, но уж больно тело деревянное. Тут только перетерпеть, а пока так – через семь потов.

Сделал первый повтор. С трудом, но сделал. Пацаны уже на второй повтор зашли, видимо, делали упражнение раньше и технику знали. Когда я заканчивал четвертый повтор, тренер уже цифру семь называл, и остальные успевали, один я корячился. Вот зашквар!

Давай, соберись, блин – попытался я подбодрить сам себя, стискивая зубы.

Дело шло, я сделал еще несколько повторений, гулко выдыхая на подъеме. На восьмой раз, когда все уже закончили с упражнением, закружилась голова. Пришлось на несколько секунд застыть, прямо стоя в мостике, чтобы восстановиться.

Уф, тяжело!

– Поднимайся давай, – эти слова тренера явно предназначались мне, вместе с последовавшим свистком.

Я остался недвижим. Подняться значило сдаться, а такие гуси не взлетают. Чувствуя, как по лбу стекает градом пот, как дрожат руки и ноет спина, я переборол себя и непонятно как, но сделал еще два повторения. А потом, обессилев, рухнул на пол. Мышцы забились основательно, как будто я хорошенько железо потаскал, воротниковая зона стояла колом. Успокаивала мысль, что в следующие разы будет куда проще.

– Вращения головы, отдых пару минут – и начинаем тренировку.

Говоря эти слова, он внимательно на меня смотрел, видел, что я уже «готовый». Нагрузку он давал выше среднего, и, очень похоже, ждал, когда я «выключусь». Проверял, значит, Степаныч, насколько у меня кишка тонка. Но вот хренушки, не дождетесь. Пока головой вращал, смог хоть немного восстановиться и продышаться. Вращения, тут уже можно какие-то выводы сделать. Сегодня мы, скорее всего, будем отрабатывать технические элементы борьбы, и маты, лежавшие у стен, очень скоро нам понадобятся.

Закончив вращения, я быстро определил, что у меня забились мышцы воротниковой зоны – натянулись как струны и просто отказывались работать. Я, снова сцепив зубы, помассировал собственное тело, «ловя» мышцы, имея всего несколько минут передыха, чтобы вернуть телу тонус и расслабиться.

Кстати, забитым оказался не я один, некоторые другие пацаны тоже «хапнули». Один из них, с развитой рельефной мускулатурой, занимался тем, что пытался лупасить мышцы ребром ладони, сдавленно и зло шипя. Я хорошо помнил этот некогда популярный метод, вот только в реальности ни к чему, кроме разве что усугубления проблемы, он не приводил. Я выбрал другой способ – начал аккуратно мышцы разглаживать ребром ладони, равномерно придавливая по всей рабочей поверхности, словно утюжа. По забившимся тканям медленно растеклась кровь, и вот пошло уже приятное пощипывание. Привести мышцы в тонус удалось, когда я сильно стиснул их пальцами и потянул вверх, будто отрывая. Через полминуты мне наконец удалось окончательно восстановить кровообращение. Того же нельзя было сказать о пацане рядом, который своими ударами сделал мышцы еще более дубовыми и теперь ходил да кривился. Еще бы, а дальше будет только хуже.

– Продолжаем? – вопрос, заданный тренером, вроде как предназначался всем, но смотрел он на меня.

Ну, на половине пути так-то неинтересно останавливаться. Поэтому я отрывисто кивнул, сделав несколько махов руками, окончательно восстанавливаясь. Эх, щас бы на массаж...

– По четыре человека разбиваемся, – бросил тренер. – Маты берем.

Сам отошел в подсобку, откуда принес изрядно потертую картонную коробку из-под телевизора Sony, в которой хранились шлемы и перчатки.

– Разбирай.

Обошел нас с этой коробкой, выдавая шлемы и перчатки, пока народ маты стелил. Я удивился, бровь приподнял – любопытно, что тренер задумал. Да и нас тринадцать человек, чертова дюжина – как тут поделиться? Хотя я вряд ли в тренерские планы входил, считай, как снег на голову упал. Пришлось прибиться к одной из групп пятым. Когда тренер ко мне подошел, то прежде чем перчатки и шлем вытащить, строго на меня посмотрел.

– Шел бы ты домой, хватит на сегодня.

Я улыбнулся краями губ, сам шлем и перчатки себе взял, лишь беззвучно хмыкнув.

– Ну смотри, чтобы Заур мне потом не выговаривал, что я покалечил ему пацана. Ты ж вроде там у него в фавориты по утреннему делу выбился.

Я промолчал, так-то не легкой атлетикой пришел заниматься. И, может, спарринги в первый же день – не лучшая идея, но и времени до боев всего лишь месяц, даже меньше. Готовиться надо уже сейчас, с колес. Пришлось просить пацанов зашнуровать перчатки, те с удовольствием откликнулись и помогли. Больше они надо мной не ржали, а ждали, что покажет бой.

Встали мы по принципу кто ближе друг к дружке – ровно в три кучки, одна немного увеличенная, к которой прибился я.

– Тебе это на хрена? – спросил Танк, косясь на меня.

Пацан оказался в соседней «кучке».

– За тем, что и тебе, – без особых подробностей ответил я.

Ну а чего, мне вообще-то тоже тачку занять по кайфу было б. Мысль, что за первое место «девятку» дают, не покидала меня и так и сидела в мозгу.

Тренер обошел пацанов, к одному из них прицепился.

– Спина прямая, говорю, выпрями, Сыч! – и с этими словами тренер увесисто хлопнул по хребту одного из пацанов, чтобы тот как оловянный солдатик встал.

На меня зыркнул, ровная ли спина, тоже хотел съездить по хребтине. Но я держал спину как надо и занимался тем, что бой с тенью проводил.

– Так, молодежь, даже самые кровавые бои на ринге – это жалкое подобие реального уличного боя. Или, как в вашем случае, боя подпольного, который ничем от улицы не отличается, – начал тренер, а потом поманил к себе трех ребят из моей группы и пристально на них посмотрел. – Ты, ты и ты. С трех сторон меня окружите.

Те охотно окружили, встали – два спереди, а один сзади.

– Давайте, родные, покажите, как будете меня мочить, – ухмыльнулся он. – Представьте, что я на вас быкую в подворотне.

– Трое одного не бьют, – замотал головой Сыч, который теперь спину прямо держал и не горбился, помня о тяжелой руке Степаныча.

Тренер покачал головой.

– Дай бог, чтобы ты такой гордый с целой головушкой остался, не проломленной. Ты, может, толпой и не будешь никого мочить, а вот тебя замочат с радостью – и венки на могилку не купят, в лучшем случае – плюнут, – сухо прокомментировал он.

Я с любопытством наблюдал за происходящим. Действо чем-то напоминало армейский рукопашный бой, который преподают бойцам спецназа, доводилось мне в свое время бывать на таких инструктажах и впечатлиться. Где по двое дрались против одного, а где и по трое... Бой максимально приближенный к реальной уличной драке. На самом деле логика определенная в этом есть, потому что в подпольных боях нет никаких правил, хоть головы друг другу поотрывайте, главное – нет сомнений, кто победил. А в некоторых казино, как раз в 90-х, мне приходилось видеть, как ребята два на два или даже три на три сражались. Ну и по несколько боев за вечер с разными соперниками – тоже всегда пожалуйста. Разница с улицей лишь в том, что соперник напротив тебя наверняка умеет драться, раз за бабки вышел, то подготовлен. Поэтому пропустить плюху от такого – не самое приятное впечатление, а в ответ еще надо попасть.

Пацаны начали распрыгиваться, в стойки сразу встали, чтобы, как и просил тренер, атаковать. Тренер остался стоять с опущенными руками. Что происходит, я смекнул уже в тот момент, когда тренер нанес первый удар. Причем никого ни о чем не предупреждая. Пока пацаны готовились и ждали, что тренер встанет в стойку, ну, или скомандует, тот вдруг ударил. Вломил резко и неожиданно, на опережение. Ударом кулака в пах одного сложил, второго тут же ребром ладони по шее уgomонил. Третьего ударом ноги под коленную чашечку свалил.

Конечно, он не бил по-настоящему, иначе бы пацанам пришлось совсем несладко, но движения вполне себе обозначил. Этого хватило, чтобы пацаны рухнули как подкошенные. И самое важное – ни один, ни второй, ни третий не сумел толком среагировать, потому что не ожидали. Ну не учат народ на секциях бокса, карате или борьбы бить друг дружку по яйцам, в сонную артерию или ноги ломать, а это не только больно, но и действенно. Так происходит только в реальной уличной драке... ну или в некоторых подпольных боях, максимально безбашенных. Мне что-то подсказывало, что бои будут именно такие...

– Врубаетесь? – тренер оглядел всех нас, переводя взгляд по очереди, пацанам потухшим помог подняться, по плечам похлопал.

Те поднялись, переминаясь с ноги на ногу, рожи кривя, но рыпаться никто не стал.

– Вы не должны принимать бой на тех правилах, которые вам диктует соперник. Вы обязаны ставить его в тупик, потому что если вы поднимете руки, – тренер показательно встал в боксерскую стойку, – то дадите сопернику понимание, чего от вас стоит ожидать. А высока вероятность, что ваш соперник именно к этому всю жизнь готовился и пахал в зале.

Он поманил к себе тех троих, которые держались кто за промежность, кто за шею, а кто за ногу. Вроде и касание было, а не удар, но определенный ущерб они все равно понесли. Они снова встали в круг, переглядываясь. И тренер повторил комбинацию еще раз, для наглядности, но сменив очередность ударов, и последним нанес вместо стоппера удар открытой ладонью в нос. Мол, вот такое разнообразие.

Мне приходилось слышать, что от таких «похлопываний» в нос можно и коней двинуть – если носовой хрящ выбить, он вонзится в мозг, как заноза. Поэтому я непроизвольно поежился, пропуская ощущения через себя. Но на этот раз тренер только обозначил движения, не став никого урывать.

– Так вот, пацаны, сегодня работаем: трое против одного. Плотно, очереди своей не ждем, все сразу втроем нападаем и не жалеем, не гладим никого. Но убивать не убиваем, – пояснил тренер задачу на спарринг. – У кого голова или жопа заболит, руку поднимаем, снимаемся. Только сразу манатки собираем и на выход. Понятно все?

– Понятно, – протянули со всех сторон.

– Минуту работаем, меняемся по кругу, – и тренер в ладоши хлопнул.

– А по яйцам бить можно? – спросил Сыч, который самым общительным оказался.

– Нужно, в реальном бою тебя спрашивать никто не станет! Но сюда, – тренер показал на глаза, кадык, пах, – не переусердствуем, если выключили соперника, не добиваем, мне реанимация не нужна и вашему бригадиру тоже.

– А что тому, кто первый вылетит? – поинтересовался Танк, растирая перчаткой нос.

– Первые шестеро сдавшихся – с завтрашнего дня возвращаются к Зауру, – тренер выразительно улыбнулся. – С остальными продолжим подготовку к подпольным боям.

Неплохая первая тренировка намечалась, вот почему он меня отговаривал с такой настойчивостью. Но отказываться я не собирался, даже если бы всю подноготную знал. Отличный шанс конкурентов выбить, главное – самому в утиль не уйти.

Пока я размышлял, пацаны меня окружили. Видимо, за слабого приняли, захотели сразу, первым же вычеркнуть. Хотеть – не значит мочь, поэтому мы еще посмотрим. Я оглядел своих соперников, стоящих на расстоянии полутора метров от меня по кругу, и в этот момент раздался пронзительный свисток тренера.

Понеслась!

Понимая, что за минуту свежие пацаны меня в тесто замесят, я решил пойти на хитрость и попытался сбить четверку с толку.

– Че, пацаны, в полную, не в полную будем? – спросил я, плечами пожимая, когда кольцо потихоньку начало сжиматься. – А то я в первый раз в зале, не в курсах.

Пацаны, видя, что я заговорил, тормознули с напором. Сыч, который был в моей группе, вовсе начал отвечать.

– Разберем...

Эх, ничему тебя собственные ошибки не учат, Сыч. Он не договорил. Потому что я резко атаковал с наскока, разрядив правый хук точнехонько в челюсть своему сопернику.

Упс, нежданчик.

Сыч оказался не готов к удару, руки опущены, подбородок поднят. Поэтому первый же мой удар просто срубил пацана. Раскинув руки, он бухнулся морской звездой на маты.

Понимая, что у меня есть всего секунда, прежде чем дистанция сократится и остальные трое включают режим «мясоперерабатывающий комбинат», я продолжил движение. Резкий поворот корпуса, и бэкфист обрушился на голову второго соперника. Тот удара не ожидал, но я попал неплотно, слишком большая дистанция нас разделяла. Весь удар я не донес. Впрочем, эффект пацан явно прочувствовал: попятился, все еще стоя на ногах, уходя в глухой блок и «сверкая звездочками» над головой.

Кулаком я ему взрыхлил нос, съездив по самому кончику. Из ноздрей тут же брызнула кровь, как из фонтана. И пацан, держась за лицо обеими перчатками, сел на присядки. Поднимать руку он не стал, и, по-хорошему, стоило его добить, но такой возможности у меня не оказалось. Оставшиеся двое будто бы очнулись и атаковали нахрапом.

Обычно, если уходишь в блок, то он должен быть зрячим. Во-первых, для того, чтобы удары видеть. Во-вторых, чтобы иметь возможность ударить в ответ, когда противник откро-

ется. Но мой блок был глухой, ведь в атаку поперли сразу двое, и единственной задачей на ближайшие секунды было тупо выжить и устоять на ногах. Понятия не имею, сколько народа выключилось в других группах вслед за Сычом, да и выключилось ли, и рисковать я не имел права. Поэтому, согнувшись калачиком, принял на себя тяжелые удары. Думать в таком положении не получалось, я терпел, принимая в блок и остальные открытые места чувствительные плюхи. Несколько тяжелых ударов отбили мне локти, потом прилетело в колено, кто-то пытался пробить печень, я, сцепив зубы, шипел, но терпел. Пусть тратят силы, пусть вымахиваются. Время тает, а урон все еще не критический – прорвемся.

Не могу сказать, что мои соперники были подготовлены сильно лучше меня, потому что снести меня с нахрапу не вышло, и через несколько секунд натиск начал ослабевать, а. Ребятам требовалось отдышаться. Они отошли, разрывая дистанцию. Я, пошатываясь (все же парочку ударов прилетели почти в цель), выпрямился. И в этот момент раздался спасительный свисток.

– Меняемся! – распорядился тренер.

Времени на передых никто не давал, но мне, пока шла «пересменка», удалось краем глаза увидеть, что еще два пацана на манер Сыча оказались выключены из спаррингов. Все трое сидели на лавке. Слава богу, здоровью Сыча ничего не угрожало – очухался. Осталось выбить еще троих...

Следующим в нашей паре защищался пацан, которому я бэкфистом сломал нос. Сдаваться он не собирался, хотя юшка текла из него, как из брандспойта. Мои нынешние «напарники», восстановив дыхание после попытки меня забить, как мамонта, снова поперли в атаку. Я же никуда не спешил – восстанавливался. Понимал, что выключить нынешнего защищающегося из спарринга – дело нескольких секунд, и там справятся без меня. Дыхание же надо восстановить, да и выйти из состояния грогги тоже нужно.

Все произошло, как я и предполагал. Никто никого не жалел, и пацана с поломанным носом за несколько секунд превратили в отбивную. Надо отдать ему должное, он не сдался и в этот раз. Попытался перетерпеть, но добились его тем самым ударом колена в печень, которым прощупывали меня. Пристрелялись. Получив плюху, пацан опустился на колено, зашипел. Одной рукой держался за нос, другой за пробитую печень. Продолжить драку, а это именно дракой было, пацан не смог. Тренер, поспешивший вмешаться, отвел бедолагу на лавку. Жалко его жалко, характер стальной, но это еще минус один...

На лавке уже сидели четверо молодцов, окровавленных, избитых и все-таки не прошедших испытание. В остальных двух группах расклад был следующим. В группе Танка пацаны рубились в полном составе, и сам Танк в эту минуту был в роли защищающегося. Свалить эту машину было довольно проблематично, настоящий тяж. А вот в третьей группе уже дрались один на один, тоже без особого энтузиазма – выдохлись, рты пооткрывали. Карасиками воздух глотали. Осталось выключить одного. И этим одним я быть не собирался, хотя мои соперники, судя по всему, кореша, явно планировали вывести из спарринга именно меня.

Ну... пусть попробуют.

– Работаем, не стоим, – прикрикнул тренер.

Загорать некогда. По-хорошему, теперь настала очередь одного из этих двух на разнос. Но главное в такого рода боях – отсутствие правил. Парочка поперла на меня, совершенно позабыв об очередности, которую они нагло нарушали. Тренер, который стоял в трех метрах от нас, нарушение видел, но никак не отреагировал.

Понятно.

Я ударил друг о друга перчатки, когда двое пошли в атаку. Перекрываться во второй раз – смысла нет. В прошлой минутке один из рубак хорошо нашел мою печень своим коленом, и еще один удар туда отправит меня на скамейку запасных. А значит, единственный вариант – рубиться. Они поперли на меня, я бросился навстречу, рассчитывая донести шальной удар.

Пан или пропал.

Ставку сделал на летящее колено...

Прыжок. Удар.

Мое колено врезалось в черепушку одного из соперников, тот в последний момент наклонил голову и встретил колено лбом. Просел, отшатнулся, его тряхнуло, но на ногах пацан устоял. Я же, нанося рискованный удар, открылся и боковым зрением увидел, как его кореш выкинул в мою голову свинг. Твою мать!

Глава 3

Удар я видел, даже поднял перчатки, успел перекрыться... бил соперник, как мул копытом. И, судя по всему, пацан кое-что в единоборствах соображал. По крайней мере, заставив меня поднять руки, следом всадил очередное колено по печени – с лету, как черепашка ниндзя. От него защититься я уже не успел. Я услышал резкий сигнал свистка от тренера, и как же вовремя. Нехорошо выключаться из боя, но именно это я и сделал, полагая, что закончилась минутка.

Боль пришла не сразу, но потом накрыла меня волной. Резко дыхание перехватило, ноги подогнулись, и я грузно опустился на пол, ловя воздух открытым ртом. Нокаут от удара по печени – самое неприятное, что только можно представить в единоборствах. Ты вроде и в сознании, а острая боль лишает рассудка, ощущения как от почечной колики. Несколько минут я сидел, очухиваясь и приходя в себя. Злость брала, обидно до чертиков! Неужели я в шаге до финальной черты с дистанции сошел! Можно было чуть корпус повернуть, и удар бы пошел вскользь. Но не доработал, подготовки в новом теле не хватило.

– Живой?

Это Владимир Степаныч передо мной вырос.

Боль начала отпускать, я уселся на пятую точку прямо на пол, делая первый вдох полной грудью. Звездочки перед глазами все еще мелькали, поэтому тренера я видел размыто.

– Ж-живой, – прошипел я, все еще через стиснутые зубы.

Владимир Степаныч кивнул, по плечу меня хлопнул.

– Ну поздравляю, Боец.

– С чем? – удивился я, кривясь от отступающей боли.

Так себе – принимать поздравления по отлету в нокаут по печени.

– Ну, как с чем? С успешным завершением испытания, – пояснил тренер. – Вообще не ожидал, что ты с ходу наравне с моими соколиками сможешь биться.

Он протянул мне руку, помогая встать. Я помощь принял, поднялся, окончательно отходя. Народ из тех, кто продолжал ещё боксировать на момент моего падения, перчатки обратно складывал да шлемы. Испытание действительно подошло к концу, остались семеро... хотя почему-то шестеро.

– Завтра как штык, – бросил Владимир Степаныч и к другим парням пошел, за самочувствие справляться, понять – надо скорую или так пойдет. Я на Степаныча уже не смотрел.

Ну да, шестеро – я перевел взгляд на лавку, где после «отлета» куковали выбывшие пацаны, в себя приходили. И вот там их отчего-то было шесть. К пятерым выбывшим из четверки Танка прибавился шестой. Ему прямо сейчас пацаны в нос вату с нашатырем совали, в чувство приводили. Видать, тоже плюху словил. Получается, что на секунду или на две раньше, перед моим нокаутом, один из пацанов выбыл, и в пылу боя я даже не заметил этого. И теперь... И теперь я в команде. В команде по подготовке к соревнованиям. Есть! Начало положено...

– Поздравляю, хотя пропускать было необязательно, – послышался густой бас Танка.

Он подошел ко мне, руку протянул в знак примирения.

– А если бы я Казака не скопытнул, то был бы ты как фанера – в пролете! – заржал он, толкая меня кулаком в предплечье.

Мне все ясно сразу стало. Казак – пацан из четверки Танка, которого на лавке нашатырем откачивали. И Танк, по ходу, его вырубил... а! Вон оно что, почему свисток прозвучал, из-за которого я из спарринга выключился.

– Должен будешь! – буркнул Танк.

И пошел дальше. Я несколько секунд переваривал произошедшее – что это выходит, я-таки в «великолепную семерку» попал. Отличные новости, хоть в кои-то веки фартануло, что упал я на несколько секунд позже, чем Танк Казака вырубил. Что сказать – живем! Печень бы еще попустило...

* * *

Домой я возвращался ближе к вечеру. Пока перчатки снял, пока шлем, пока с парнями попрощался из зала и на вопросы тренера по моему спортивному бэкграунду ответил.

Вообще минут через десять после окончания жестких спаррингов все снова шутили, обнимались и братались. Дрались мы жестко, но по скорой, тьфу-тьфу, никого не забрали, обошлось, на удивление. Только пацан, которому я нос сломал, с унылым видом в травмпункт поперся, благо от зала до больницы было недалеко. В ближайший месяц в зале он теперь не появится.

День выдался насыщенным. Жизнь так и перла на полную катушку, регулярно меня на прочность проверяя. Как в одной песенке поется: «а я держусь всем назло». Впрочем, на остаток вечера хотелось избежать приключений, домой я шел с мыслями принять душ и скорее завалиться спать. Ну, может, еще до таксофона ближайшего сходить, Лидке для порядку звякнуть, чтобы узнать, как девчонка устроилась. Рубило меня основательно. Ага. Хрен мне, а не отдых, потому что получилось все как всегда...

Что-то не так... Я это понял, когда увидел открытое окно своей квартиры. Под окном на земле лежали осколки стекла. Занавеска трепыхалась на ветру, на сквозняке... как будто распахнута входная дверь. Хату, что ли, вскрыли? Усталость у меня мигом сняло.

Соображая, что делать дальше, я огляделся, наткнулся на металлический прут, из каких местные бабульки забор для палисадника сделали. Такая вроде бесполезная штука, но башку хулигану проломить – самый раз. Прутик вырвал, он хорошо в руку лег, но я его за пояс сунул, чтобы не мешался. Потому что через несколько секунд я уже лез по трубе к окну своей хаты, желая грабителей врасплох застать. Можно было, конечно, через подъезд пойти, но что-то мне подсказывало, что грабители, если это они, будут именно через двор уходить, чтобы перед соседями не светиться. Если так, то мы как раз лицом к лицу встретимся.

Однако, забравшись в квартиру, я увидел пустую комнату, в которой все было перевернуто вверх дном. По полу были разбросаны простыни, подушки, перевернутые стулья. В шкафу-стенке ломиком вырваны перегородки, куда обычно честной народ бабки прятал. Обшивка дивана – вообще выпотрошена...

Интересно девки пляшут. Что они искали-то здесь? По чьей наводке зашли? У меня из своего – запасные трусы, блин... какого рожна они тут собрались брать? Или, может, хозяйка чего хранила? Вытащив прут из-за пояса, я на цыпочках прошелся до коридора, в кухню и санузел заглянул. Никого. Хотя и тут утварь на полу валяется – несколько чашек разбито, кастрюли и сковородки перевернуты. Цветок, кактус, росший на подоконнике, тоже стороной не обошли. Горшок вдребезги разбили, землю по полу развезли. Ну и дверь входная – она оказалась закрыта, несмотря на сквозняк, заходили-таки через окно.

Все верно – обнесли меня, как сидорову козу ободрали, правда, было бы что брать, а так в пустую все. Не думаю, что кому-то нужно белье не первой свежести... ну да хрен их этих грабителей поймешь. Однако, в чем я был уверен, так это в том, что такие вот кражи не происходят без наводки, если не нарики работали. Но тут не похоже на наркоманов, чувствуется уверенная рука.

Паспорт!

Блин, я же все документы в хате оставил! В одном из выдвижных ящиков тумбочки. Я было бросился к ней, но в этот момент услышал шорох за дверью. Замер, прислушался, в глазок выглянул – никого. Однако звук повторился, кто-то прямо сейчас копошился за дверью.

Я пересохшие губы облизал, еще раз в глазок посмотрел и по отбрасываемой от лампы тени уловил едва заметное движение. Ага, по ходу, меня какой-то товарищ упоротый в коридоре пас. Не знаю, как у грабителя получилось так спрятаться, чтобы дверь не открывать... но тут явно было что-то нечистое. Я прутик из руки в руку переложил, вытащил ключ и в замок вставил, закусив губу – старался не шуметь и не спугнуть бедолагу. Ключ ме-е-едленно провернул, отворяя дверь и следом в коридор выскочил, размахивая металлическим прутом, как нагайкой. Вот тут-то меня и ждал неприятный сюрприз.

– Мочи гада!

– А-а-а!

Сразу с трех сторон с воплями на меня накнулись три тела, вооруженные кто чем. Я заблокировал первый удар, нанесенный бутылкой, выбросив перед собой прут. Стекло разбилось, на пол, на стены и на меня брызнула вонючая жижа – паленая водка. Владимир Степаныч как нутром чуял, показав буквально сегодня, как с такими падлами, которые толпой прессуют, себя вести. Я выбросил ровно три удара – по яйцам, в коленную чашечку и в горло. Оказался гораздо быстрее своих противников, поэтому на пол коридора тут же завалились три тела. Справиться с ними, на мое удивление, удалось довольно легко. И скоро я понял почему...

– Макс? – я опустил прут, изумляясь.

Ни фиги себе, как закрутилось лихо. Три тела, лежащие на полу коридора, оказались хорошо знакомыми мне бухариками, которых я совсем недавно из хаты выселил. Макс, которому я по яйцам съездил, согнулся в три погибели, рот раззявил, как рыба, на берег выброшенная, глаза тарачил и всё ловил воздух беззубым ртом. Два его кореша тоже временно вышли из строя – один за ногу держался, по полу катаясь с воем, второй кашлял сухо, за кадык держась.

Я смерил своих старых знакомых взглядом и по очереди заволок их в квартиру. Дверь закрыл. Стоит поговорить.

Непонятка, по ходу, какая-то вышла... не стали бы алкаши меня обносить. На фиги? Только вчера в квартире были, порядок наводили и собственными глазами видели, что ничего ценного у меня и в помине нет. Ну а Макс в хате вовсе несколько месяцев жил, и если бы хотел что-то вынести, то давно бы это сделал. Короче, не складывалась мозаика в голове, вообще ни разу.

Присев на корточки, я дождался, пока алкаши оклемаются, чтобы вопросы задать. Досталось им довольно плотно, но они ведь тоже молодцы – меня хотели мочкануть, вот я и среагировал, так что тут без обид. А то, что они не виноваты – очевидно...

– Что за херня, Макс? – сухо спросил я, когда алкаш, наконец, очухался.

Он утер липкую испарину со лба одной рукой, другой все еще за промежность держась.

– С грабителем тебя попутали, Боец, – прошипел он, объясняясь.

Ну и поведал мне, что они с мужиками сидели в беседке, водку пили, в «козла» играли, когда из окна донесся грохот. Они сразу из беседки высыпали...

– Смотрю, хмырь какой-то по трубе тебе в хату лезет, прикинь, – продолжил эмоциональный рассказ Макс. – Я мужикам и говорю – к нашему падла лезет, грабить, пойдем встретим. Ну и пошли, хотели в подъезде щемануть, да похоже, собака такая, ускользнул раньше!

– А чего же у окна не встали, раз он через окно полез? – поинтересовался я.

– Думали, что обратно через подъезд пойдет, притаились. Тот же магнитофон, как ты его через окно вынесешь?

Нельзя сказать, чтоб в его словах не было логики – я-то изначально тоже так подумал.

– Да было бы у меня что красть...

Я вздохнул, осматривая выпотрошенную и вывернутую наизнанку квартиру. Магнитофон, то единственное ценное, что здесь было, грабители не тронули, к удивлению.

– Как выглядел – запомнили?

– Да со спины что скажешь? Он капюшон на себя нацепил, волосы еще так странно торчали... – покачал головой алкаш.

– Щуплый зараза такой, но грудь накаченная, – просипел второй алкаш, которому я по кадыку съездил, тоже в себя после трепки пришел.

Не густо.

– Высокий?

– Да не сказать, что высокий, обычный, мелкий, скорее, даже...

– Шустрый, как вошь! – закивал третий пришедший в себя алкаш. – Как баба подвижный, дерганный.

– Не, какая баба будет лезть! – отмахнулся Макс. – Торчок наверняка какой-то.

– Русский?

– Говорю же, лица не видно, но если по одежке судить, то раньше я его на районе не припомню, чес-говоря, – задумчиво протянул Макс, ну и резюмировал: – Ты прости, что не сдюжили, в натуре хотели от души помочь.

– Да ладно, мужики, спасибо, что вообще впряглись.

Теперь после короткого разговора с алкашами яснее ситуация не стала. Какой-то хмырь, не разбери зачем и с какой целью, вдруг решил в мою хату залезть средь бела дня. Все выпотрошил, в каждом углу пошарился, но взять – ничего не взял. Хотя если бы ему бабки были нужны, то магнитофон грабитель наверняка бы прихватил, в ту же комиссионку отнести или даже с рук толкнуть на базаре. Странное такое ограбление вырисовывалось, безо всякого смысла. Как будто не для наживы домушник пришел, а по другой причине. Может, мне что-то пояснить хотели? Врагов у меня по новой жизни уже немало скопилось, я считай половине города дорогу перешел. Но, опять же, на хрена? Если припугнуть меня хотели, то вариант так себе. Или все-таки у Ленки-хозяйки что интересное в доме хранилось, о чем я не знал? Это можно было попробовать прояснить.

– Раньше такого не было, пока ты здесь жил? – спросил я у своих неожиданных защитников, которые чуть моими убийцами не стали.

– Неа, – Макс башкой замотал.

Ну ясно. Будем считать, что это такое недоразумение произошло. С поличным грабителя взять не получилось, где его теперь искать – непонятно. Поэтому самое верное решение сейчас – забить. И заодно прибраться в квартире, срач мне тут развел этот чудик, как Мамай тут прошел. Самое неприятное, конечно, испорченная мебель. Как я теперь хозяйке буду объяснять, что произошло? Дурак какой-то грабил, а мне расходы компенсировать. М-да.

– Ладно, мужики, спасибо вам еще раз за то, что в стороне не остались.

Я вытащил из кармана несколько мелких купюр – такая награда «за отвагу». Да и водяру у них разбил, хай новую купят и хорошенечко по такому случаю нажгутся. Алкаши просияли, руки потирая, а бабки все Макс себе забрал, на правах главного в этой пропитой компашке.

– Слышь, а где ты теперь живешь? – поинтересовался у него я, чтобы хоть как-то на другую тему переключиться. – К жене чего не пошел обратно?

– Пошел... выгнала она меня под жопу мешалкой, – вздохнул алкаш. – Теперь вот перебиваюсь у Толяна, нашего кента. Вон, как раз в соседнем доме.

Макс на соседнюю многоэтажку из серого кирпича махнул.

– А Толян на порог без ста грамм не пускает, поэтому – спасибо за подгон, Боец! – алкаш купюрами потряс.

– Будь здоров, – отмахнулся я, продолжая оглядывать свою квартиру. – Слышь, мужики, а если столько же дам – приберетесь ещё разок?

Они переглянулись и наперебой закивали, заинтересованные. Ну вот и хорошо, сил разбирать всё это самому после боя у меня совсем не было. Кое-как оторвав от пола пятые точки, алкаши, не откладывая, по квартире разбрелись, марафет наводить. Воду в ведро налили, похватили кто веник, кто совок, а кто швабру и к уборке приступили. Красавцы, че – вместо того, чтобы вот так вот по хаткам лазить, на водку трудом своим зарабатывают.

– Слышь, Боец, не в службу, а в дружбу, – подошел ко мне один из алкашей. – А ты бы мог нам вместо денег водяры пару бутылок купить?

– Руки-ноги есть, ларек рядом, в чем проблема? Как уберешься – сходишь! – я бровь приподнял.

– Да тут такое дело, понимаешь... – всплеснул руками алкаш и замялся, но потом все же объяснил свою просьбу. – Мы Люське-продащице бабки должны, водку-то в долг брали... не хочется на глаза ей попадаться, купишь, по-братски, а?

Я плечами пожал. Ну раз Люське деньги мужики торчат, то чего бы не помочь. Добром на добро ответить, поэтому схожу – не обломится. Тем более, я ведь хотел Лидке звякнуть в «Турист», поинтересоваться, как она без меня устроилась. Да и вообще ее голос хотелось услышать... как-то прикипел. Как раз рядом с ларьком и таксофон.

Я уже собрался за водкой мужикам прогуляться и к таксофону, как вспомнил, что хотел посмотреть документы. Толку от них грабителю, как с козла молока, надеюсь, что с документами ничего не стало. Подошел к тумбочке, выдвинул ящик – документы лежали в целостности и сохранности. Вот и хорошо... почти. Обращала внимание торчавшая из паспорта белая нить. Я взял паспорт, полистал, нахмурился. Было от чего – фотография на моем паспорте была затыкана чем-то острым, похоже, иглой. Да с таким усердием – мне на фотке паспортной глаза целиком выскребли и рот, изувечил документ грабитель. «Орудие» лежало на странице с пропиской. На меня смотрела игла, в ушко которой и была вставлена торчавшая нитка. Во как... к бабке не ходи, тут явно какой-то ритуал проводили.

– Мужики, а мужики... – обернулся я к погрязшим в уборке алкашам.

Все мне разом ясно стало. Кто еще занимается черной магией, если не цыгане со своими обрядами вуду и прочей дребеденью оккультной? Вычислили меня, по ходу, и решили вот так оригинально отомстить. Теперь понятно, чего алкаши так странно грабителя описывали – точно цыганская баба ко мне в квартиру залезла, да не признали сразу, замаскировалась. Понятия не имею, какова была цель подобного обряда, может, хотели, перед тем как со мной вопрос по-мужски решить, сделать так, чтобы у меня все там где надо повисло... Однако смеяться над такими вот шуточками мне совсем не хотелось.

Очевидно, что теперь мне гостей ждать. Я хорошо помнил ножи в руках цыган, и те, в отличие от баб, не привыкли вопросы решать с помощью магии. Как они проблемы решают, я запомнил очень хорошо, когда меня самого чуть на рынке вещевом не порешали.

– Чего, Боец? – откликнулся первым Макс, драя пол.

Ну я и озвучил им свое предложение, прежде крепко его обдумав. А предложение вполне конкретное было.

– Слушай сюда, братва, дело есть...

* * *

– Лид, привет, – как можно дружелюбнее сказал я, когда услышал голос девчонки в трубке.

– Сереж... – ответила она, похоже, не ожидав моего звонка. – Ты как?

– Лучше всех, – я хмыкнул, соврав. – Ты как, устроилась? Никто не обижает?

– Мужчины, которых мы тогда с тобой встретили... ну те, которые меня нехорошим словом обозвали...

Я напрягся, стиснув телефонную трубку, уже готовый забыть про все и лететь на улицу Ленина. Но Лида меня успокоила.

– Представляешь, Сереж, они мне в номер цветы принесли, – заверила меня аптекарша. – В качестве извинений.

– Говорили чего?

– Сказали, что если мне будет что-то нужно, то они мне помогут.

Я только теперь спокойно выдохнул. Лида разместилась, устроилась, завтра ее ждал первый рабочий день. Хоть за кого-то голова не болит, с аптекаршей полный порядок.

– Не хочешь в гости заглянуть? – спросила Лида и принялась меня заманивать.

Рассказала про вкусный ужин, что она забрала со стола в номер специально для меня пирожки с повидлом, а еще в «Туристе» делали отличный чай. Я молча слушал, кивал. Мне очень хотелось ответить: «хочу!» и приехать к аптекарше, но я покосился на окна моей съемной квартиры. Там горел свет, хотя мужики уже закончили прибираться, а если ближе подойти – можно услышать музыку из открытого окна. Так надо было...

– Сегодня, к сожалению, не могу, – выдохнул я в динамик против своей воли.

Пока Лида вздыхала, что ей скучно и одиноко, я обратил внимание на подъехавший «Москвич». Оттуда вышло четверо хорошо знакомых мне лиц.

Глава 4

Как говорить, что ни рожа, то Сережа. Вот только рожи у Сереж были все как на подбор цыганские и дюже мне знакомые. На «Москвиче» подвалили те самые утырки, с которыми у меня конфликт случился на вещевом рынке. Даже хмырь, которому я ногу прострелил – и тот здесь нарисовался. Нога у самого перемотана, хромает, но явился не запылится, сука такая. Ну ничего, и вас вылечим... обращайтесь.

Шли цыгане явно по мою душу – по направлению к дому, на окна второго этажа поглядывая, где свет как раз горел, и тихая музычка играла. Я за происходящим с выбранной позиции, из будки телефонной наблюдал, обзор отсюда больно замечательный.

Подойдя ближе к дому, цыгане разделились. Трое, включая раненого козла, в подъезд пошли, а один встал у окна. Видимо, решили подстраховаться, на случай если я решу оттуда сигануть.

Ну-ну, стратеги, блин.

Тот, что у окна стоял, не мог не обратить внимания на бессознательную тушу в облаке стойкого перегара. Это Макс, типа, прилег покемарить возле палисадника. Цыган внимательно посмотрел на алкаша, ближе подошел, ногой пнул.

– Слышь, алкаш – вали отсюда по-хорошему, – выдал цыган.

– М-м... – промычал Макс что-то несвязное.

Я, дождавшись, когда троица ромалов скроется в подъезде, вставил в рот пальцы и свистнул, подавая сигнал.

Началось.

Макс резко ожил, схватил за грудки склонившегося над ним цыгана, пытаясь его завалить на землю. Координация у мужика после выпитого плыла, поэтому получалось так себе.

Цыган встrepенулcя, попытался высвободиться, но вышедший из-за угла дома второй алкаш заковылал в сторону борющихся и тукнул его каким-то дрыном по темечку. Аккуратненько так, чисто чтобы обезвредить, но не убить. У цыгана что-то нечленораздельное изо рта вырвалось от изумления, и он завалился лицом в палисадник, повиснув на заборе в позе страуса – жопой кверху, головой вниз. Поднявшийся Макс, который если и был подшофе, но на ногах вполне крепко стоял, пнул цыгана ногой под зад, и тот окончательно перевалился через забор. Видно его теперь не было, палисадник был изрядно заросший, но для порядка алкаши цыгана еще сверху цветочками прикрыли. Пусть отдыхает. Сами, как вышибалы на входе в ночной клуб, встали у стеночки.

Хорош, мужики – отлично сработали, все как я просил, думал не справятся.

Понятное дело, именно за такой помощью я и обратился к алкашам, смекая, что следом за бабой цыганской мужики придут. Пришлось мужикам еще целых три бутылки водки пообещать, ну ничего – заслужили.

Третий алкаш, поднявшийся со скамейки в беседке, меж тем последовал за троицей ромалов в подъезд. Я, выйдя из телефонной будки, крался следом, жестом показывая Макс, чтобы он шел со мной. Цыган трое, нас тоже – пусть будет для равного счета.

У подъезда мы встретились, внутрь зашли. Алкаши на лицо маски надели по моей просьбе – то есть, футболки свои на голову намотали. Я тоже решил лицо спрятать – мою внешность эти зелибобы если и помнили, то наверняка смутно. Дело-то в темной рыночной подворотне происходило.

Втроем мы поднялись на второй этаж. Цыгане уже зашли в квартиру, по-хозяйски так и без стука, желая меня застать врасплох. Дверь я оставил открытой, чтобы этим товарищам не пришлось в голову ничего ломать, а то мне потом еще хозяйка пистонов вставит. Возни с мебелью мне вполне хватит.

А вот хренушки им вместо десерта.

Я с подкреплением проник в квартиру следом, закрыл за собой дверь и дважды провернул ключ в замке. Цыгане к этому моменту разбрелись по помещению – один в зал пошел, другой в ванную, третий на кухню. Искали, куда я запропастился, чтобы счета свести. И когда замок щелкнул, отделяя нас шестерых от остального мира, эти бедолаги разом обернулись на звук.

Глаза у гостя на лоб полезли от изумления – мало того, что я не один был, так еще и мы на такую «случайную» встречу мы не с пустыми руками пришли, в масках. У Макса пруттик в руках металлический припасен, у второго алкаша черенок заготовлен. Я только налегке – падл этих голыми руками передую.

– Здорово, проказники. Что, никого нет дома?

– Ты кто такой?

– Дед Пихто.

Продолжить диалог собеседники не успели. Я говорил эти слова, уже подступая к тому самому раненому ублюдку, мало ему, заразе, прилетело тогда на рынке. Еще хочет добавочки.

Хлюп.

Это так нос у него отреагировал, когда я с размаху ему лбом по переносице врезал. Резко подошел и вмазал. Больно, сука, да? Знаю, что больно, но это я еще базар не начинал. Цыган зашипел, падая на пол и пряча морду в ладонях. Из кармана у него нож торчал, которым он как раз со мной вопрос собрался решать.

Макс со своим корешем принялись обхаживать черенком и прутком двух других козлов. Удар у алкашей был крепкий, за второго адепта не знаю, но Максимка-то прежде на заводе работал, железяки таскал. Силы еще не растерял и не пропил.

Уработали гопоту быстро, не прошло и десяти секунд. Кстати, эти утырки, в отличие от хромого, ножики свои успели вытащить. Но в ход не пустили, слишком внезапным был наш напор. Начали было верещать, чтобы сигнал дать своему брату, который на стреме стоял, да тот, если бы и захотел, не услышал – цветочки в палисаднике мордой в землю стерег, занят был дюже. Повезло, конечно, ему куда больше, хотя «садовнику» тоже вполне доходчиво объяснили, что ведет он себя нехорошо. А для корешей его у меня, помимо воспитательной беседы, кое-чего поинтересней было припасено.

В общем, теперь все трое цыган лежали на полу моей квартиры. Макс с другом ножики себе забрали, по карманам – конфискация имущества. Я же для порядка у хромого нож тоже забрал, дабы не повадно было.

– Тащите этих говнюков сюда, – распорядился я, но спохватился – надорвутся мои новые друзья. – Хотя погодите, давайте помогу.

Сходил на кухню, за шиворот одного в зал отволок, потом за вторым вернулся. Теперь все трое полусидели-полулежали в центре комнаты и испуганными глазами на меня тарасились, понимая прекрасно, что я главный в этой кутерьме. Но, судя по их взглядам, ни хрена они меня не узнали за маской то.

– Ну какого хрена он своей кровякой линолеум засрал, – раздосадованно всплеснул руками Максимка, видя, что хромой вымазюкал пол кровью из разбитого носа.

Второй алкаш, который разделял мнение Макса, подошел к хромому и с размаху ему затрещину в затылок почти влепил. Почти – потому что не успел, так как я аккуратно, но твердо перехватил его руку.

– Я сам, не трогай, а то потом к ментам побегут, – пояснил я.

– Кто к ментам, слышь, ты за базаром следи, фраер! – было загундел через сломанный нос хромой цыган. – Кто такой будешь?

Может, смекнул по моей реакции, что я настроен на диалог, раз голос прорезался – думал, похоже, что я слабину дал, раз сразу их в расход не пустил. А такого типа люди как делают – пытаются сразу на агрессию перейти, вдруг прокатит морально оппонента про-

давить. Вот только когда ничего не получается, они выглядят довольно жалко... потому что агрессия в обратку летит.

Я никакой слабины давать не собирался, просто не хотел, чтобы алкаши больше нужного руки пачкали за водяру и на статьи нехорошие наматывались. У меня-то уже руки были испачканы по самые плечи, переживать абсолютно не за что.

Поэтому, наклонившись вперед, к хромому, я внимательно посмотрел ему в глаза.

– Ты с какой целью интересуешься, козел? – процедил я.

– Пошел ты... – с трудом выдавил он, за сломанный нос держась.

– Мужики, там кажется паяльник у хозяев лежал... – бросил я сегодняшним поделничкам.

У цыгана глаза на лоб полезли. С паяльником в девяностых не шутят, вернее всякие шутки плохо заканчиваются и, судя по их реакции, они прекрасно об этом знали не понаслышке.

– Т-тебе з-зачем п-паяльник? – аж заикаться цыган начал.

– В одно место тебе засовывать, – я плечами пожал, делая такое выражение лица, будто мне абсолютно фиолетово и для меня манипуляции с паяльником – повседневная обыденность.

Конечно, никакие паяльники никому я засовывать не собирался, просто хотел припугнуть борзых гостей, чтобы скромнее себя вели. И продолжая спектакль, к алкашам повернулся.

– Не в службу, а в дружбу, включите чуточку погромче магнитофон и прикройте окно, чтобы народ воплями не пугать, – распорядился я.

Мои поделнички встрепенулись – кому куда идти, и даже друг о друга, как два болванчика стукнулись, хорошо что не упали. По итогу Макс пошел окно закрывать. Я обратил внимание, что он уже успел подмотать ключи от «Москвича» у одного из цыган. Красава. Так вот эти самые ключи Максимка из окна скинул – в руки своему корешу-собутельнику. Неужто автомобиль у цыган собрались отжать? Закрыв окно, он и занавеску задернул, потом подошел к магнитофону и сделал громче «Осенний поцелуй» Аллы Пугачевой. Его собутельник утюг притащил.

– Пойдет? – пробубнил он.

– Ага, в розетку воткни, пусть прогреется...

Ну а дальше я наблюдал за тем, как мои гости в лицах переменялись, когда увидели утюг. Я еще как будто ненароком рукой с кольцом кладбищенских повертел. И, кстати, его появление впечатлило цыган куда больше, чем «развлекательная» программа с утюгом. Исход оказался неожиданным для меня самого.

Завидев кольцо на моей руке, хромой вдруг затарахтел без умолку, как баба базарная:

– Брат, не знал, что ты здесь будешь, брат, мы лоха пришли щемить, по наводке, думали, что он здесь живет, ошиблись, по ходу... Верь мне, брат!

– По какой наводке? Какого лоха? – строго спросил я, сохраняя инкогнито, но утюг из рук не выпускал.

– Да зацепились с одним на рынке, – ну а он следом выдал то, чего я совершенно не ожидал от него услышать. – Он на склады рыночные полез, героин украл. Бабки на следующей неделе будут, брат, я из-под земли достану, отвечаю. Я же Карену, сказал, что отдам...

У меня глаза на лоб полезли от услышанного. Занимательно получалось. Похоже, цыгане, завидев кольцо на моей руке, перепутали меня с людьми Карена, котрый наркотой барыжил. Судя по всему, те тоже кольца носили, раз хромой обознался. И выходит из его слов, что цыгане делали с этим самым Кареном сомнительный бизнес. Распространяли наркоту... Вот ублюдки, они не только простых горожан обувают, так еще и наркотошники, блин. Хотя, нашел, чему удивляться. Но куда больше меня смутили слова цыгана о том, что я, как они считают, украл у них со склада партию героина, бабки за который цыгане ещё торчат армянину.

Неожиданный поворот. Это кто же из меня крысу сделал под шумок и реально товар увел?

Цыган, меж тем, понял, что я подвис и интерпретировал это по-своему. Пытаясь закрепить свой успех в переговорах, вдруг встал на колени, вытащил крест и начал креститься, одновременно мне кланяясь чуть ли не в ноги.

– Мамой клянусь, деньги отдам, не убивай, брат, дети у меня, женщина вдовой останется...

Второй его дружбан вовсе начал мне вены показывать, что чистый, и героин они не на себя спустили, покайфовать, а в дело. Видимо, водился за этими мужиками грешок. Третий цыган, наблюдал за происходящим с оловянными глазами, как будто все-таки замазанный.

Информация, которую мне хромой как на блюдечке преподнес, действительно давала пищу для размышления. Покусывая губу, я подошел к магнитофону, звук прикрутил.

– Слышь, мужики, пойдите-ка перекурите, мне с дорогими гостями переговорить надо.

Я понимал, что алкаши, которых я для массовки, по сути, взял, уже и без того больше нужного услышали, и такая информация могла для них боком вылезти. Поэтому пусть пробьются, мне от потрепанных цыган уже ничего не будет, они еле шевелятся и перепуганы до смерти. Алкашам явно понравилось роль ганстеров на себя примерять. Согласились они и охотно и из квартиры вышли, оживленно переговариваясь, дескать, на улице целый «Москвич» ждет.

Ну а я, оставшись с цыганами с глазу на глаз, задал им несколько вопросов по сложившейся ситуации. Теперь уже они отвечали куда охотней, понимая, что от этого зависит их дальнейшее времяпрепровождение на этой брэнной Земле. Предположу, что люди Карена, будь они действительно на моем месте, вообще бы не выбирали методов. И, в отличие от меня, не ограничились бы воспитательной беседой и размахиванием утюгом. Вот так мне еще более любопытные подробности открылись, чем прежде.

Я внимательно слушал, кивал, и к концу разговора сделал интересный вывод: это они удачно ко мне на хату-то забрели. А чуть было не расстроился поначалу.

* * *

Цыган в тот вечер я проводил подзатыльниками и крепкими словами, дабы надолго отбить желание соваться на эту хату. Потом из окна наблюдал, как эти недобрые молодцы вытащили своего кореша из палисадника и сообщая заковыляли на базар. «Москвича» уже на месте не было, Максимка с алкашами подсутился и себе тачку отжал. Шустрый чертяка. Конечно, нехрен бы мужикам в криминал лезть прямо вот так, но дядьки они взрослые, без моих наставлений разберутся. Интересно, правда, куда они тачку поставят и что дальше будут с ней делать. Мне-то они ничего на этот счет не сказали. Зуб даю, что расскажут еще.

Так и случилось, вечером следующего дня ко мне Макс заглянул – за призовой водярой обещанной. Пришлось мне в ларек пилить, бутылки мужикам покупать. Заслужили.

За прилавком меня встречала тучная барышня с ярко накрашенными губами и в ядовито-синем фартуке.

– Четыре бутылки водки, – сказал я, кладя на прилавок деньги.

Продавщица на меня зыркнула подозрительно, видимо, поняла, что к чему – что не себе беру, а местные послали. Но сказать – ничего не сказала.

– Слышь, Макс, а вы куда «Москвич» отогнали? – поинтересовался я, вручая алкашу наградную водку.

Тот подальше от ларька, за деревцем спрятался. Правильно сделал, кстати, ведь продавщица, почуяв неладное, из ларька вышла – меня взглядом проводить.

– Так ты не смотри, что Борька пропитый, он в прошлом году в автосервисе фигачил, пока за пьянку не уволили, – охотно ответил Макс. – Сейчас с гаражными механиками якшается, где че надо, помогает за рубль. Вот мы туда тачку и повезли, в гараж поставить. Разберемся, шеф, что да как...

Я хмыкнул, поражаясь ушлости алкашей. На этом мы с Максом попрощались, и весь последующий вечер я был занят мыслями о том, что с хаты Ленки надо, походу, валить. Что-то мне подсказывало, что как только цыгане раны зализут, то обязательно вернутся, и уже не вчетвером, а всем своим боевым табором. Все их чистосердечные «брат» и «извините» – блеф, чтобы свои шкуры спасти. Будь у них шанс мне перо под ребра сунуть, они бы им непременно воспользовались и времени на душеспасительные разговоры не тратили. Однако срываться на ночь глядя я не решился, а поинтересоваться по поводу ночлега у алкашей – не смекнул сразу. Хотя надо было. Надеюсь, что никаких сюрпризов до утра не случится. С этими мыслями я вырубился без задних ног на продавленной кровати. Много слишком за сегодня пережить пришлось...

* * *

Эх... жизнь моя жестянка, разборки и цыгане... Всё ничего, а тренировки по расписанию. Следующим утром я поднялся ни свет ни заря. Пока умывался и в порядок в себя приводил, осмотрел швы на брови. Рана почти зажила, и через день-другой надо будет навеститься к Лидке в «Турист» – снять нитки окайменные. Это еще повезло, что рана не разошлась со всеми моими приключениями последних дней. Но, тело мне досталось хоть и с виду хлипкое, но выносливое и молодое – все как на бездомном псе заживало.

Плотно позавтракав вчерашней овсянкой (аптекарьша мне на неделю жратвы наготовила), я отправился в зал. И был как штык на тренировке, которую Владимир Степаныч назначил на раннее утро. Я планировал отпахать в зале, а потом, когда к Зауру за новым заданием пойду, рассказать ему о том, что вчера у цыган удалось выведать. Больно занимательная информация у меня вырисовывалась, считай тлеющий фитиль динамита ухватил, готового в руках взорваться. Но увы, Степаныч меня малость озадачил.

– Отъехал он, вопросы решать, – заявил тренер, когда я у него поинтересовался насчет Заура. – Сегодня у уважаемых людей на Левбердоне сходка, вопросы будут по важные перетирать.

– Сферы влияния делить? – хмыкнул я.

– Не твоего ума дела, Боец, – шикнул дедок.

– А когда Заур будет?

– Он мне что, думаешь, докладывает? Я похож на секретаршу, а?

Владимир Степанович прошил меня многозначительным взглядом из-под седых бровей. Я в ответ лишь плечами пожал, мол, ничего не думаю, просто спросил, че нельзя что ли...

– Может, с ним связаться как-то можно? – продолжал настаивать я, полагая, что у Заура, наверняка, уже и в это время имеется мобильный телефон.

– Не советую, – буркнул тренер. – Он спозаранку в зал заглядывал, злой как черт, рвет и мечет. Лучше обожди, пока успокоится и вопросы порешает. Не суйся пока.

Я снова плечами пожал. Не вопрос, подожду, хотя наверняка Зауру информация, которую накануне я надыбал, была бы на сходке совсем в тему. С другой стороны, нечего мужика строполить, а то взорвется прямо на сходке, дров наломает. Хотя вопросы к тем же армянам после всего этого у кладбищенских определенно должны возникнуть. Как и к Яшке Кривому... Ну да ладно, подожду.

Тренировка оказалась разгрузочной. Владимир Степаныч решил «выживших» побересть, и мы всю тренировку только и делали, что круги вокруг ринга наматывали. Во второй части

пошли на снарядах работать. Тело хоть и ломило после вчерашнего, на нагрузки реагировало плохо, но я чувствовал, что понемногу втягиваюсь в процесс. Все-таки молодость в жилах текла. И, несмотря на определенный физический дискомфорт, я отзанимался прямо-таки с кайфом. Давненько такого ощущения не испытывал. Продышался, удары поотрабатывал, мышцы знатно размял и молочную кислоту выгнал.

Ну а когда тренировка к концу подошла, в коридоре на скамье меня уже ждали мои «напарники». Совсем не такие уверенные, как прежде, с унылыми лицами.

– Че с мордами, пацаны? – поинтересовался я.

– Че-че, Заур сказал, если к завтрашнему дню мы девятку не починим, то кабзда... – буркнул Муха. – А хрен его знает, где ее чинить.

– Это вы по адресу обратились, – бодро ответил я, похлопав Муху по плечу. – Есть у меня мыслишка.

Глава 5

Гаражами, куда Максимка со своими собутыльниками цыганский «Москвич» отвез, оказался гаражный кооператив на улице Орбитальной, в самом конце Северного района. Длинные ряды железных конструкций, как будто микро-поселение внутри города. Обитель местных мужиков, где они торчали целыми днями напролет, побухивая и ковыряясь в своих «железных конях». Резались в карты и изливали друг другу душу, жалуясь под пиво на стервозных жен и самодуров-начальников.

Муха про кооператив был в курсе, сел за руль «девятки» и повез нас туда, как только я ему название сказал – «Рассвет».

– Слышь, Боец, а у тебя там че, знакомые какие? – поинтересовался он, выезжая на улицу Космонавтов.

– Да есть один товарищ, вроде как, у него в «Рассвете» кенты тачками занимаются, – пояснил я.

Мы доехали до кольцевого перекрестка, за которым улица Космонавтов заканчивалась, и начиналась та самая Орбитальная.

– И че, кто их крышует? – заинтересовался Муха. – Я че-то первый раз по такому авто-сервису слышу.

– А ты с какой целью интересуешься? – не стал спешить с ответом я, явно у Мухи к сервису был какой-то интерес.

– Не. Че ты напрягаешься сразу? Так, любопытно, – бандит плечами пожал, ну и объяснил свой интерес: – Просто Демид Игоревич к нему присматривался, шерстил, но ни о каких мастерских не рассказывал. Иначе мы бы давно под крышу местных умельцев поставили.

– Ну вот узнаем, что к чему. Долго еще ехать-то?

– Вон видишь перекресток? За ним направо сразу, считай приехали.

Проезжающий нам навстречу автомобиль вдруг дальним светом поморгал.

– Слышь, Муха, ты притормози малехо, а то там обычно на перекрестке легавые стоят, – встрепнулся Рябой.

Дельное замечание, «девятка»-то у нас пулями изрешеченная, могла заинтересовать гаишников, а водила, который нам навстречу ехал, явно о ментах предупреждал. В моей прошлой жизни это уже кануло в небытие – хочешь знать, где посты да камеры, загружай навигатор да прикупи антирадар.

– Блин, точняк... – Муха начал притормаживать. – Боец, по-братски, глянь, а – видно легавых? С твоей стороны лучше видать.

Я чуть приподнялся с сиденья, дабы обзор поширше сделать, за перекресток заглянул. Нету никого, но стоило чуть внимательнее приглядеться – я сразу увидел ментов.

– Стоят, – прокомментировал я.

Гаишники действительно были тут как тут – встали еще так хитро, чтобы не видел никто, сразу за ларьком, что торчал как гриб прямо на перекрестке. Засаду импровизированную устроили.

– Вот бли-и-ин, козлы, – смачно плюнул в окно Муха.

– Во дворы сворачивай, выедем?

– Да хрен его знает.

Поехали мы вдоль девятиэтажных панелек, чтобы перекресток объехать. Встречаться снова с гаишниками желания не было. Муха не стал особо сбрасывать скорость, благо никаких «лежачих полицейских» во дворах еще не было – и долго не будет. И мы быстро прошмыгнули дворами к дороге, пересекающей Орбитальную на перекрестке. Пару раз я чуть головой в крышу не улетел, когда «девятка» на ямы натыкалась. Даже, от греха подальше, пристег-

нуться решил. А в одном из дворов, Муха начал истерично сигналить двум молодым пацанам, которые у подъезда о чем-то базарили – стояли-то они прямо на дороге и мешали проезду.

– Свалили нахрен, фраера!

Пацаны обернулись, хотели в ответ газануть, но, увидев изрешеченную пулями бывалую «девятку», сразу передумали. Еще и Муха такой весь из себя приبلатненный – без майки, в кепке, одной рукой за руль держится, вторая с сигаретой в окно торчит, на пальце кольцо кладбищенских.

Я выговаривать своему подельнику не стал при Рябом, такие вещи надо с глазу на глаз, но наперед обязательно обсудим, как себя вести на людях надо. А если пацаны к другой группировке принадлежат? Если гордые, и на такие наезды реагируют жестко? Мне же проблемы на ровном месте были ни к селу, ни к городу. Сейчас я просто ограничился строгим взглядом на Муху.

– Че, Боец? С какого перепугу они посреди дороги стоят!

Итого, потрясшись на кочках латанного-перелатанного асфальта, мы подъехали к гаражному кооперативу. На въезде ждала будка со шлагбаумом самопальным, в которой сидел сторож. Пожилой мужик, завидев нас, из будки высунулся.

– Вы куда, молодые люди? – спросил он.

– На кудыкину гору! – фыркнул Рябой с заднего сиденья, выглядывая из окна.

– Пропуск, – проямлил дед, хотя похоже, что сам уже понял, что просить у нас какие-либо бумажки – не лучшая затея.

– Слышь, дед, не мороси, открывай! А то я ща выйду из машины и либо тебя, либо шлагбаум сломаю, – гоготнул Муха.

Сторож больше вопросов задавать не стал. Поднял шлагбаум, наш автомобиль в кооператив пропуская. Но судя по тому, как он внимательно на нашу «девятку» пялился, номера старик решил запомнить на всякий пожарный. Обломится, номера мы сразу сняли, чтобы не светиться – они наверняка уже во всех ориентировках ментовских засвечены.

– Че, Боец, куда дальше ехать?

– Сейчас узнаем, – я высунулся в окно. – Э!

Окликнул одного мужичка, который в своем «Запоре» рядом с открытым гаражом ковырялся. Мужик обернулся, лицо такое блаженное, но как «девятку» увидел, так как-то сразу погрустнел.

– Мужик, где тут автосервис?

– Прямо до упора, потом направо и снова до упора, – проблеял он.

Вообще, конечно, бандиты в девяностых на люд простой тягостное впечатление производили. И с такими типами простой народ предпочитал не связываться – неадекватными считали. Что, кстати, тот же Муха успешно подтверждал своим поведением.

– Слышь, мужик, а че у тебя за мафон такой?..

Муха уставился на магнитофон хозяина гаража, который тот поставил на полку, приколоченную к распахнутой воротине. Я понял, в какую сторону ветер дует и кулаком троглодита в плечо ткнул.

– Поехали давай, куда там – до упора?

– До упора, – закивал хозяин гаража, у которого на лбу аж испарина проступила.

Муха явно расстроился, что я ему дело обломал, но нажал на газ. До конца ряда доехали, направо повернули, а там я уже и сам увидел в конце нужный гараж. Возле него, собственно, как раз и стоял цыганский «Москвич», в котором уже какой-то молодец ковырялся. Вернее, молодцев было несколько, но остальные заняли досуг тем, что накрыли прямо на багажнике тачки полянку – газетка постелена, водочка стоит со стопочками, разносол и сало ломтями с прожилками.

– Туда, что ль? – спросил Муха.

– Угу, – подтвердил я.

Нет бы, как нормальный водила, к гаражам взять, тихо-мирно припарковаться... Муха начал давить на клаксон, газу поддал и поехал прямо на мужиков, которые стопки в руки взяли, и среди них – мой знакомый алкаш. Естественно, мужики струхнули, мало ли, какой debil обдолбанный за рулем «девятки», по сторонам брызнули, водку из стопок разливая. А Муха, в полное горло хохоча, резко затормозил в паре метров от «Москвича».

– Ты че творишь? – вызверился я.

– Ладно, я просто прикалываюсь.

И с этими словами мотор «девятки» заглушил и вышел из тачки. Мы с Рябым, тоже малость прифигевши, следом вышли.

– Здорова, слесаря! – поздоровался я как можно дружелюбнее, видя, что мужики явно струхнули.

Тот, кто под капотом лазил, аж головой ударился, теперь вот стоял макушку натирал. Первый алкаш встрепенулся, взгляд сфокусировал, уставился на меня – узнал.

– О! Боец! – воскликнул он и даже обниматься ко мне полез. – Какими судьбами?

– Макс мне шепнул, что вы с мужиками тут тачки ремонтируете?

– Есть такое.

Понимая, что мы знакомы, остальные слесаря расслабились. Что-то под нос тихо бурчали, мол, водку жалко. Чтобы впечатление о себе исправить, я с каждым за руку поздоровался. Муха и Рябой уже пошли оглядываться – что за сервис, как все устроено. Видать, клинья подбивали, чтобы предложить начальству своему работяг здешних под крышу определить. Профдеформация у моих подельников – куда ни пойдешь, а везде бабки, крыша, рэкет.

Кстати, посмотреть было на что. Гараж у слесарей был далеко не один. Я сразу приметил, что помимо гаража с ямой, у которого «Москвич» стоял, есть еще три железных короба. Из одного краской резко воняло, стоило чуть ближе подойти – это, значит, малярка. Другой с верстаком слесарным. В третьем гараже ящики с запчастями стоят. Не, чего душой кривить – хорошо мужики организовались, по уму. Считай, собственное предприятие, пусть и кустарное.

– С кем переговорить по тачке? – наконец, поинтересовался я.

– Да вот, Ильич, – кивнул алкаш на одного из слесарей.

– Что надо? – сразу отреагировал тот, которого представили Ильичом.

Пузатый, как таракан, в комбинезоне, руки черные от мазута. И до сих пор стопку с водкой держит, так и не выпитой.

Я кивком Ильича к себе подозвал, поближе к «девятке». Тот подошел.

– Мне бы подшаманить, здесь чуть-чуть, там чуть-чуть, – я показал механику отверстия от пуль, разбитое заднее стекло с фарами, такое же расколошмаченное боковое зеркало. – Возьмешься?

Слесарь походил вокруг тачки, ущерб оценивая, а заодно взвешивая предстоящий фронт работ. Добравшись до отверстий от пуль, на меня зыркнул, зачем-то туда попытался палец сунуть. Покивал с умным видом, касаясь черными от мазута пальцами подбородка.

– Когда надо сделать?

– Сейчас, – улыбнулся я. – Поможешь?

Мужик на меня глаза вытаращил.

– Во даешь, тут работы на неделю! А у меня еще «Москвич»! – возмутился он.

– Чего тогда спрашиваешь, когда надо?

Я похлопал слесаря по плечу, желая подбодрить. Но сделать надо сегодня – тут без вариантов. Тем более, вон в гараже у умельцев полно запчастей, ящиками стоят, наверняка запчасти от «девятки» тоже найдутся.

– Вечером тачку заберем, – резюмировал я.

Слесарь помялся, да согласился.

– Стекла только заднего нет, дружище, – вздохнул он. – Хочешь, тебе временно фанерку какую поставлю, так поездишь, а через пару дней заскочишь – и поменяем.

Ну фанерку так фанерку, не обломаемся. Я согласился. Слесарь сразу попытался свою выгоду найти.

– Слушай, мужик, ну это же мне все заказы отменять, тобой только заниматься. При таком раскладе чуть подороже выйдет сумма за работы... – осторожно начал прощупывать он.

В этот момент как раз вернулись Муха и Рябой, закончившие осмотр кустарной мастерской. Мужик даже сумму не успел назвать, когда Муха вклинился в наш разговор.

– Э! При таком раскладе, блин, – бандит принялся костяшками пальцев щелкать. – Ты, оказывается, тут целый бизнес провернул, а мзду кому платишь?

– Какую мзду? – включил дурачка нелегальный предприниматель.

– Обычную, – прищурился Муха, потирая кулаки.

– Никому не плачу – честно признался мужик, немного сникнув.

– Крыша тебе нужна, – подключился Рябой. – Кто мы, знаешь?

– Кладбищенские, – проявил дюжую осведомленность слесарь, только скользнув глазами по кольцу бандитов, а потом тихо добавил. – Без крыши обойдусь, не протекает.

Муха хмыкнул, башкой замотал, подошел к «Москвичу» и взял лежавший рядом с открытым капотом молоток. Принялся им по ладони постукивать.

– Так протечет, погоду пасмурную предсказывают, – улыбнулся он хищно.

Слесарю эта сцена не по душе пришлась, но надо ему должное отдать, мужик мяться не стал, смотрел прямо в глаза бандиту. Что-то мне подсказывает, что дядька этот не промах и наверняка имел дела с криминалом до этого.

– Короче, слесарек, к вечеру делаешь нам тачку в счет будущих побед, а там уже дальше че как – отдельно решим, – выдал Муха.

Самостоятельный, блин.

Хозяин мастерской промолчал, может, и хотел что сказать, но не успел. Я посчитал нужным вмешаться. Подошел к Мухе, приобнял его за плечи и в стороночку отвел, дабы один на один перетереть.

– Брат, ты давай, велосипед не придумывай. Мужик честный, нечего его кидать на бабки с порога, – объяснил я бандиту. – Зауру завтра о точке новой расскажем, а там – ставить его на бабки или нет, не нам решать.

– Че не нам-то? – от души возмутился Муха. – Он тут бабки в своих гаражах лопатой гребет, а делиться – не делится.

– Ну вот Заур и скажет, с кем и сколько, лады? А пока сколько мастер скажет, столько заплатим, ты же хочешь, чтобы нам тачку к вечеру сделали? Вот и я тоже хочу.

Мой помощничек, видимо, вспомнил, как грозен был Заур из-за тачки, и немного при-молк.

– Вот хрен его знает, я бы его прессанул, – произнес Муха уже не так решительно, затылок поскреб, задумчиво оглядывая гаражи мастерской.

– Скажут прессануть – прессанем, сейчас же не будем самоуправством заниматься, – заключил я.

– Как скажешь, брат, – тут он вдруг хитро прищурился: – А если Заур предъявит, что это мы чинили сразу на бабки не поставили?

– Вот когда спросит, тогда я и отвечу.

Мухе было нечего возразить. С моими аргументами он согласился. Я же не хотел слесаря напрягать с порога. Мужик простой, у него по жизни без крышевания проблем хватает, не от хорошей доли мазуте ковыряется. Кладбищенские же и без его подгона проживут. Так что рассказывать Зауру об этом кустарном сервисе на самом деле я вовсе не собирался.

Слесарь уже свистнул своих ребят к «девятке», проводил своеобразную летучку – с какой стороны к тачке подойти, как начать да чем закончить. По-любому, наш разговор с Мухой слышал, потому что расслабился сразу – пронесло.

– Во сколько приходиться-то за тачкой? – уточнил я.

– Часикам к восьми закончим.

На том и порешали. По сути, нас с пацанами здесь уже ничего не держало, и я хотел им предложить пойти какую-нибудь кафешку найти поблизости, дабы брюхо набить, а то жрать больно охота. Но задержался, заинтересовался «Москвичом», который, судя по всему, умельцы решили разобрать на запчасти. По крайней мере, решили двигатель снять. Я подошел ближе, на работу взглянул и быстро смекнул, чем на самом деле слесаря тут занимают. Из инструмента, что оставил слесарь, ковырявшийся в «Москвиче», тут лежали «цифры», там же кучка шарошек разной формы.

Хе-хе, вот тебе и криминал, недалеко тут от моих пацанов ушли. Болванки-клейма забрякали под моими пальцами. На бабки, может, никого народ здесь не ставит, но судя по тому, что я вижу – обувают по-черному. Номер двигателя мастера перебивали, и явно делали такое не впервые. Похоже, хотели «Москвич» не на запчасти разобрать, а лоху первому попавшемуся толкнуть – вот тебе и честные труженники. Молодцы, ребята, и по любому по ушам ездят, что самостоятельные.

Такие спецы могут в будущем пригодиться, поэтому я решил намотать на ус. Заодно к себе этого самого Ильича подозвал.

– Номер перебиваете? – спросил я у него в лоб.

– Перебиваем, – спокойно кивнул тот. Вот чем мне этот мужик импонировал, так это своей прямолинейностью. Не юлит, не ищет обходные пути, а говорит все прямо.

– И как, долго вот так номер перебить?

– Смотря что за машина. На «классике» или вот в таких «Москвичах» код невозможно перебить без демонтажа. С «девяткой», как у вас – попроще гораздо. Если в иномарке надо, так вообще одним днем справляемся.

– Клиенты есть?

– Неа.

Я сделал вид, что не замечаю подвоха. Клиенты у него наверняка были, и не мало. Потому что услуга, по нынешним временам, больно востребованная. Тачки, как расходники, переходили из рук в руки. Я намотал на ус, вдруг пригодится. Следом как бы, между прочим, спросил, кивнув на нашу «девятку», на которой не было номеров:

– Номера тоже делаете?

Ильич посмотрел на меня внимательно, прищурился.

– Надо?

– Надо, раз спрашиваю.

– Делаем.

– И почему?

– Двадцатка, – назвал мужик сумму.

Номера на девятке поменять было надо, но такими деньгами я не располагал – конечно же, Ильич вел разговор не о рублях. А забирать деньги у Рябого и Мухи, пусть и на общее дело, считал неправильным. Однако ездить по Ростову без номеров было не менее палевно, чем с дырками от пуль в кузове.

– В рассрочку оформишь? Я через неделю отдам. Сам занесу или вот через него передам, – я кивнул на алкаша, вернувшегося к «полянке» на багажнике «Москвича».

Ильич явно задумался, потому что он-то первый раз меня видел.

– Отдашь бабки?

– Отдам.

– Вечером будет на номерах тачка.

Я руку протянул Ильичу, пожал крепко. Собрался пацанов своих окликнуть, чтобы по кафе ближайшему поинтересоваться. Они-то местные, а я, если бы Муха за гаражи не сказал, даже название улицы затруднился бы назвать. Муха и Рябой стояли чуть в стороне, курили и что-то живо обсуждали. В тот момент, когда я к ним обернулся, у Мухи пейджер звякнул.

Пили-пилик.

Я обратил внимание, что народ у Демида Игоревича весь с пейджерами ходит. Для оперативной связи удобно очень. У меня своего пейджера или мобилы до сих пор не было – надо бы обзавестись на досуге, кстати, а то несерьезно даже. Чувствую себя, как без рук.

Муха «бипер», только-только в стране появившийся, с важным видом достал и сразу нахмурился. Сделал пару затяжек сигаретой, выбросил на землю. А когда я пацанам своим ближе подошел, Муха в лицо мне экран пейджера сунул.

– Боец, случилось, по ходу, че-то. Заур к себе вызывает! Пишет: бегом!

Глава 6

У Заура мы были минут через двадцать. Ехали-то пять минут, а остальные пятнадцать честно пытались поймать бомбилу, который бы согласился подбросить троицу красных молодцев. Но у народа как-то не возникало желания связываться с нами. Оно и понятно почему. У нас рожи кирпичом, все в ссадинах и синяках, да еще волком исподлобья глядим. Тут десять раз задумаешься, нужен ли тебе такой приработок.

Однако один храбрец-таки нашелся. На обочину нырнула желтая «шестерка», за рулем которой оказался молодой парнишка, лет двадцати, выходит, ровесник меня нынешнего. Из кассетника играл свежий блатнячок Вилли Токарева. Мы переглянулись, и я к машине пошел.

– Братское сердце, до «Спартанца» довезешь?

Молодой опустил очки на переносицу и кивком показал садиться.

– Братва, залезай.

Я обозначил пацанам, чтобы те устраивались сзади, сам сел рядом с водителем. Молодой сразу газанул, укладывая стрелку тахометра. Не пристегнутый, понятное дело. На торпедке четки лежат, черные, чуть неровные – из хлебного мякиша, на зеркале крест прицеплен. Сам же водила довольный, как слон.

– «Спартанец», да? – ерзал он на водительском сиденье, явно от эмоций, его переполнявших. – Вы кладбищенские, братва?

– Мы спортсмены. Не комсомольцы, правда, – улыбнулся я.

– И совсем не красавцы, – захихикал на заднем сиденье Муха. – Покурю, а, фраерок?

Пацан отрывисто кивнул, давая добро. Занимательно, что Муха в принципе стал у него разрешение спрашивать. Видать, что-то этакое в пацане разглядел.

Водила тоже на нас всё с интересом поглядывал.

– Бли-и-ин, – вдруг протянул он. – Ребята!

Ну и рассказал нам о себе. Выяснилось, что пацан, прям как прежний обладатель моего тела, дембельнулся пару месяцев назад. Служил в стройбате в Сибири. Вернувшись в Ростов, не нашел себе работу нормальную, перебивался так и сяк. Теперь вот ездит по городу «королей гонять», но хватает разве что для поддержания штанов. Тачка, так та ему от деда осталась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.